ЖОРЖ
СИМЕНОН

МЕГРЭ В ШКОЛЕ

Мегрэ в школе
Жорж Сименон

Аннотация
Жорж Сименон. Мегрэ в школе
1. Учитель в чистилище
2. Служанка из «Приятного уголка»
3. Любовница Шевасу
4. Письма почтовой служащей
5. Марсель лжет
6. Похороны почтовой служащей
7. Всепрощенчество доктора
8. Подкова Леони

Аннотация

Жорж Сименон писал о комиссаре Мегрэ с 1929 по 1972 год.

«Мегрэ в школе» (1954) рассказывает о расследовании, предпринятом комиссаром в небольшой деревне во время отпуска. Убита старуха, которую все ненавидели, но подозрение падает на школьного учителя. Мегрэ приходится иметь дело с крайне ненадежными свидетелями – подростками.

Жорж Сименон
Мегрэ в школе

«Certes, ils préfèrent que je ne voie pas certaines choses. Mais ce qu'il ne faut surtout pas, c'est que je leur en raconte d'autres».

«– Vous direz tout?

– Et vous?

– J'essaierai. Si je n'y parviens pas, je m'en voudrais toute ma vie».

«Peuples qui on faim», 1934

«Конечно, все предпочитают, чтобы я не видел некоторых вещей. Но последнее, что я должен делать, так это молчать о них».

«– Ты все расскажешь?

– А вы?

– Я попробую. И если не смогу, то буду винить себя до конца жизни».

«Люди, которые голодны», 1934

«Maigret à l'école» © 1954, Georges Simenon Limited, all rights reserved.

«Мегрэ в школе» © 2022, Georges Simenon Limited, all rights reserved.

Translation of the novel © 2012 by Hemiro Limited, all rights reserved.

GEORGES SIMENON ® by Simenon-tm, all rights reserved.

MAIGRET ®by Georges Simenon Limited, all rights reserved

© ООО «Феникс», оформление, 2022

1
Учитель в чистилище

Бывают образы, которые врезаются в память бессознательно, с фотографической точностью. А гораздо позднее мы, отыскав их среди прочих, задумчиво почесываем затылок, напряженно думая, где мы их видели.

После стольких лет службы Мегрэ уже чисто автоматически поднимался по крутой пыльной лестнице здания криминальной полиции, как всегда немного задыхаясь. На минуту он остановился и машинально взглянул на стеклянную клетку, служившую залом ожидания, которую одни называли аквариумом, а другие — чистилищем. Возможно, все сотрудники поступали аналогичным образом, и это превратилось в своего рода профессиональный ритуал.

Даже когда, как и этим утром, яркое, веселое, как ландыши, солнце заливало своим светом Париж и заставляло блестеть розовые колпаки на верхушках каминных труб, лампа в чистилище, где не было окон и куда свет проникал только из бескрайнего коридора, горела весь день.

Иногда на креслах и стульях, обитых зеленым бархатом, сидели типы с более или менее бандитскими рожами — старые клиенты, которых какой-нибудь инспектор задержал ночью и которые теперь дожидались, когда их вызовут на допрос, — или осведомители, свидетели, получившие повестку накануне и теперь поднимавшие голову всякий раз, когда кто-нибудь проходил мимо.

По какой-то непонятной причине здесь в черных рамках на золотистых шнурах висели фотографии полицейских, погибших на боевом посту.

Через чистилище проходили и другие персонажи — мужчины и женщины, принадлежащие к так называемому свету. Они сначала стояли, как бы ожидая, что их вызовут с минуты на минуту, словно зашли сюда просто так, на огонек. Через более или менее продолжительное время они подходили к стулу, на который в конце концов садились. Нередко случалось, что часа через три их снова видели ушедшими в себя, с поблекшим взглядом, потерявшими чувство своей общественной значимости.

В то утро в чистилище сидел один мужчина. Мегрэ заметил, что он принадлежал к типу, ко-

торый в полиции обычно называли «крысиная морда». Мужчина был худым. Над высоким лбом с залысинами возвышался клок рыжеватых волос. У него были голубые глаза, а нос казался еще более острым, поскольку подбородок был немного скошенным.

Везде, начиная со школы, можно было встретить подобных индивидуумов. Бог знает почему, но их никогда не принимали всерьез.

Мегрэ практически не обратил на него внимания. Если бы в тот момент, когда он открывал дверь своего кабинета, его спросили, кто находится в зале ожидания, он не нашелся бы, что ответить. Было без пяти минут девять. Окно распахнуто настежь, и над Сеной поднимался легкий золотисто-голубой пар. Впервые в наступившем году Мегрэ надел демисезонное пальто, однако воздух оставался еще прохладным: тот самый воздух, который хотелось пить, словно выдержанное белое вино, и который так приятно освежал лицо.

Снимая шляпу, Мегрэ взглянул на визитную карточку, лежавшую на столе. Чернила были бледными: *Жозеф Гастен, школьный учитель*. В правом углу такими мелкими буквами, что комиссару пришлось нагнуться, было выведено:

Сент-Андре-сюр-Мер.

Мегрэ не провел никакой связи между визитной карточкой и человеком с крысиной мордой. Он только спросил себя, где слышал о Сент-Андре-сюр-Мер. Раздавшийся в коридоре звонок сзывал всех на совещание у начальника. Мегрэ снял пальто, взял папку, которую приготовил накануне, и, как уже много лет подряд, направился в кабинет шефа. По дороге он встретил других комиссаров. В глазах у них он читал то же выражение, что и у прохожих на улице.

— Наконец-то настала весна!

— Можно и так сказать!

— Сегодня будет замечательный день.

В большие окна кабинета директора, словно в окна деревенской церкви, лился солнечный свет; сидя на каменном выступе, ворковали голуби.

И все, потирая руки, повторяли:

— Наступила весна.

Всем им перевалило за сорок пять лет. Дела, которыми им предстояло заниматься, были серьезными, даже мрачными. Тем не менее они радовались, словно дети, неожиданно потеплевшему воздуху и, главное, солнечному свету, заливавшему город и превращавшему улицы, фасады, крыши, машины, проезжавшие по мосту

Сен-Мишель, в картины, которые так и хотелось повесить у себя дома.

— Мегрэ, вы уже говорили с заместителем директора агентства с улицы Риволи?

— Я встречаюсь с ним через полчаса.

Дело, не имевшее никакой важности. Неделя выдалась практически пустой. Заместитель директора банковского агентства с улицы Риволи, в двух шагах от Центрального рынка, подозревал одного из своих служащих в мошенничестве.

Мегрэ, сидя напротив окна, набил трубку. Его коллега из отдела общей информации обсуждал с шефом другое дело. Потом речь зашла о дочери сенатора, попавшей в щекотливое положение.

Вернувшись в свой кабинет, Мегрэ увидел, что его дожидается Люка. Инспектор уже надел шляпу, поскольку должен был сопровождать комиссара на улицу Риволи.

— Пойдем пешком?

Все было готово. Мегрэ забыл о визитной карточке. Проходя мимо чистилища, он вновь увидел крысиную морду, а также двух-трех других клиентов, среди которых был содержатель ночного заведения, которого сразу же узнал. Того вызвали в связи с инцидентом, произошедшим с дочерью сенатора.

Они добрались до Нового моста. Мегрэ шагал широко. Люка, у которого были короткие ноги, приходилось быстро семенить, чтобы не отстать. Потом они не смогли бы вспомнить, о чем говорили. Возможно, они довольствовались тем, что просто смотрели по сторонам. На улице Риволи воздух наполнился крепким запахом свежих овощей и фруктов. Грузовики везли их в деревянных ящиках и корзинах.

Они вошли в банк, выслушали объяснения заместителя директора и обошли помещения, украдкой наблюдая за служащим, который попал под подозрение.

Поскольку никаких веских доказательств не было, они решили расставить ему ловушку. Обсудив все детали, они пожали друг другу руки. Мегрэ и Люка вышли на улицу. Воздух был таким теплым, что они не стали надевать пальто, что придало им вид отдыхающих.

На площади Дофина они остановились, словно по обоюдному согласию.

— Не зайти ли нам выпить по стаканчику?

Время аперитива еще не наступило, но им казалось, что вкус перно́ как [1]нельзя лучше гар-

[1] Примечания: 1

Перно́ (фр. Pernod) — марка анисовой настойки, выпускаемая компанией Pernod Ricard. — *Прим. пер.*

монировал с весенней обстановкой, и они вошли в пивной ресторан «У Дофина».

— Два перно́, и побыстрее!

— Слушай, ты знаешь, где находится Сент-Андре-сюр-Мер?

— Кажется, это где-то в Шаранте.

Это напомнило Мегрэ солнечный пляж в Фурра, устрицы, которые он там ел в половине одиннадцатого утра, запивая их местным белым вином, и песчинки на дне бутылки.

— Как ты думаешь, служащий жульничает?

— Похоже, заместитель директора в этом уверен.

— Вид этого служащего не внушает мне доверия.

— Мы все выясним через два-три дня.

Они миновали набережную Орфевр. Поднявшись по большой лестнице, Мегрэ снова остановился. «Крысиная морда» по-прежнему сидел в чистилище, наклонившись вперед и положив длинные костистые руки на колени. Мужчина посмотрел на комиссара. Мегрэ показалось, что он заметил в этом взгляде упрек.

Войдя в кабинет, Мегрэ нашел визитную карточку и вызвал дежурного.

— Он все еще здесь?

— С восьми часов утра сидит. Он пришел раньше меня. И настаивает на том, чтобы встретиться лично с вами.

Множество людей, особенно сумасшедших и полубезумных, хотели говорить только с директором или Мегрэ, имя которого часто упоминалось в газетах. Они отказывались иметь дело с инспекторами. Некоторые могли прождать целый день и возвратиться на следующее утро. Они с надеждой вставали каждый раз, когда комиссар проходил мимо, а затем покорно садились и снова ждали.

— Пусть войдет.

Комиссар расположился за столом, набил трубку и знаком пригласил вошедшего мужчину сесть напротив. Держа визитную карточку в руке, он спросил:

— Жозеф Гастен. Это вы?

Увидев мужчину вблизи, комиссар понял, что тот, вероятно, не спал всю ночь, поскольку у него были покрасневшие веки, серый цвет лица и чересчур блестевшие глаза. Мужчина скрестил руки, как и в зале ожидания. Пальцы его захрустели.

Вместо ответа он прошептал, тревожно и вместе с тем смиренно взглянув на комиссара:

— Вы уже знаете?

— Что я должен знать?

Казалось, мужчина удивился, смутился и, возможно, лишился последних иллюзий.

— Я полагал, что здесь уже обо всем известно. Я уехал из Сент-Андре вчера вечером. К нам приезжал репортер. Я сел на поезд, отправлявшийся в восемь часов, и сразу же примчался сюда.

— Почему?

Посетитель явно был интеллектуалом. Но казался до того растерянным, что не знал, с чего начать свой рассказ. Мегрэ подавлял его своим видом. Комиссар догадывался, что мужчине хорошо известна его репутация и он, как и многие другие, видит в нем Бога-Отца.

До этой аудиенции учителю все казалось достаточно простым. Теперь же перед ним сидел живой человек, который маленькими затяжками курил трубку и почти равнодушно смотрел на него своими большими глазами.

Соответствовал ли Мегрэ тому образу, который создал себе мужчина? Не начал ли он жалеть, что приехал сюда?

— Они, должно быть, говорят, что я сбежал, — нервно сказал мужчина, горько улыбаясь. — Но если бы я был виновен, в чем они убеждены, если бы вознамерился бежать, разве я был бы сейчас

здесь?

— Мне трудно ответить на ваш вопрос, поскольку я ничего не знаю, — пробормотал Мегрэ. — В чем вас обвиняют?

— В том, что я убил Леони Бирар.

— Кто вас обвиняет?

— Вся деревня, более или менее открыто. Лейтенант жандармерии не осмелился меня арестовать. Он честно сказал, что ему не хватает доказательств, но попросил меня не уезжать далеко…

— Тем не менее вы уехали.

— Да.

— Почему?

Посетитель был слишком взвинчен, чтобы спокойно сидеть. Он резко встал, пробормотав:

— Вы позволите?

Мужчина не знал, куда себя деть, как держаться.

— Иногда я спрашиваю себя: что со мной?

Достав из кармана носовой платок сомнительной чистоты, он вытер им лоб. Вероятно, носовой платок пах поездом, да и пóтом тоже.

— Вы завтракали?

— Нет. Я хотел как можно быстрее попасть сюда. Я не хотел, чтобы до этого меня арестовали.

Вы понимаете меня?

Но как Мегрэ мог его понять?

— Объясните толком, почему вы решили приехать ко мне.

— Потому что я верю вам. Я знаю, что вы, если захотите, установите правду.

— Когда эта дама… Как ее зовут?..

— Леони Бирар. Это бывшая служащая нашей почты.

— Когда она умерла?

— Ее убили во вторник утром. Позавчера. Чуть позже десяти часов.

— И вас обвинили в преступлении?

— Вы ведь родились в деревне, я читал об этом в одном иллюстрированном журнале… И провели там бóльшую часть вашей юности. Значит, вы знаете, как обстоят дела в небольшом поселке. В Сент-Андре насчитывается лишь 320 жителей…

— Одну минуточку. Преступление, о котором вы говорите, было совершено в Шаранте?

— Да. Километрах в пятнадцати к северо-западу от Ла-Рошели, недалеко от мыса Эгийон. Вы знаете это место?

— Немного. Но все дело в том, что я служу в криминальной полиции Парижа, и моя юрисдикция

не распространяется на Шаранту.

— Я думал об этом.

— В таком случае…

Мужчина надел свой лучший костюм, который помялся в дороге. Воротник рубашки был потертым. Он стоял посреди кабинета, опустив голову, разглядывая ковер.

— Разумеется… — вздохнул он.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я ошибся. Теперь уж я и не знаю. Мне это казалось таким естественным.

— Что именно?

— Приехать сюда, чтобы вы взяли меня под свое покровительство.

— Под свое покровительство? — повторил удивленный Мегрэ.

Гастен стоял перед комиссаром с видом человека, который спрашивает себя: «Что происходит? Где я нахожусь?»

— Там, если меня даже не арестуют, они сыграют со мной злую шутку.

— Они вас не любят.

— Нет, не любят.

— Почему?

— Во-первых, потому что я учитель и еще секретарь мэрии.

— Ничего не понимаю.

— Вы давно уехали из деревни. У них есть деньги. Они либо фермеры, либо разводят устриц и мидий. Вы знаете, что такое садки?

— Плантации устриц и мидий, устроенные вдоль берега?

— Да. Мы живем в краю мидий и устриц. У всех есть хотя бы небольшой участок. Это очень прибыльное дело. Они богаты. Почти у всех есть машина или грузовичок. И знаете, сколько из них платят подоходный налог?

— Полагаю, немногие.

— Никто! В нашей деревне платят налоги только доктор и я. Разумеется, меня они считают бездельником… Они воображают, будто это они меня содержат. Когда я возмущаюсь, что дети пропускают уроки, они отвечают, чтобы я не вмешивался не в свои дела. Когда я потребовал, чтобы ученики здоровались со мной на улице, они заявили, что я вообразил себя префектом…

— Расскажите мне о деле Леони Бирар.

— Вы действительно этого хотите?

Взгляд мужчины, в котором возродилась надежда, вновь обрел твердость. Гастен решил сесть и заставил себя говорить не спеша. Однако от сильных эмоций его голос дрожал.

— Прежде всего вам необходимо знать расположение деревни. Это трудно объяснить… Как и почти везде, школа находится позади мэрии. Там я и живу, по другую сторону двора. У меня есть небольшой огород. Позавчера, во вторник, примерно в такое же время, стоял настоящий весенний день. Был квадратурный прилив…

— Это важно?

— При квадратурных приливах, то есть при приливах со слабой амплитудой, никто не собирает мидий и устриц. Понимаете?

— Да.

— За школьным двором простираются сады, куда выходят задние фасады нескольких домов, в том числе задний фасад дома Леони Бирар.

— Сколько лет было этой женщине?

— Шестьдесят шесть. Как секретарь мэрии я знаю возраст всех жителей деревни.

— Конечно, конечно.

— Восемь лет назад она вышла на пенсию по болезни. Она перестала выходить из дома, передвигается, опираясь на палочку. Она злая женщина.

— И в чем это проявляется?

— Она ненавидит весь мир.

— Почему?

— Не знаю… Она никогда не была замужем. У нее есть племянница, которая очень долго жила с ней, а потом вышла замуж за Жюльена, жестянщика, который в то же время занимает должность полевого сторожа…

В другой день подобные истории, возможно, навеяли бы на Мегрэ скуку. Но в то утро, когда солнце ярким светом через окно заливало комнату и приносило с собой весеннее тепло, когда трубка приобрела какой-то новый вкус, комиссар слушал посетителя с улыбкой на губах. Звучавшие слова напоминали ему другую деревню, где тоже разыгрывались драмы, в которых принимали участие работница почты, школьный учитель и полевой сторож.

— Женщины больше не виделись, поскольку Леони не хотела, чтобы племянница выходила замуж. Она не хочет видеть и доктора Бреселя, поскольку обвиняет его в том, что тот пытался ее отравить своими лекарствами…

— Он действительно пытался ее отравить?

— Разумеется нет! Я просто хочу, чтобы вы поняли, какая это женщина… Вернее, была… Когда она работала начальницей почтового отделения, она прослушивала все телефонные разговоры, читала почтовые открытки. Таким

образом, она знала секреты всех и каждого. Ей было нетрудно настраивать людей друг против друга. Большинство ссор между родными или соседями происходили именно по ее вине.

— Итак, ее не любили.

— Конечно нет.

— В таком случае…

Казалось, Мегрэ говорил, что все становится простым, что с того момента, когда женщина, которую все ненавидели, умерла, каждый должен был бы радоваться.

— Только и меня они не любят…

— Из-за того, о чем вы мне рассказали?

— И из-за этого, и из-за другого. Я не местный. Я родился в Париже, на улице Коленкур, в Восемнадцатом округе, а моя жена — с улицы Ламарк.

— Ваша жена живет с вами в Сент-Андре?

— Мы живем вместе с нашим сыном, которому недавно исполнилось тринадцать лет.

— Он ходит в вашу школу?

— Другой школы просто нет поблизости.

— Его приятели вменяют ему в вину, что он сын учителя?

Мегрэ и это было известно. В его памяти всплывали детские воспоминания. Сыновья фермеров злились на него, сына управляющего. Его отец

предъявлял счета их отцам.

— Поверьте, я не даю ему поблажки. Я даже подозреваю, что он нарочно учится хуже, чем мог бы…

Постепенно мужчина успокаивался. Теперь его глаза смотрели не так испуганно. Он не был сумасшедшим, который выдумывает небылицы, чтобы привлечь к себе интерес.

— Леони Бирар выбрала меня как мальчика для битья.

— Не имея на то причин?

— Она утверждала, что я настраиваю детей против нее. Уверяю вас, месье комиссар, это неправда. Напротив, я всегда пытался убедить их, что им следует вести себя с ней как хорошо воспитанным детям. Она была очень толстой, можно сказать, огромной. Похоже, она носила парик. Кроме того, у нее на лице была растительность: настоящие усы и черные волоски на подбородке. Этого было вполне достаточно, чтобы мальчишки смеялись над ней. Вы меня понимаете? Каждый пустяк мог привести ее в ярость. Например, если она видела, как ребенок припадал лицом к стеклу и показывал ей язык, она вставала со своего кресла и начинала угрожающе размахивать своей палкой. Это забавляло

ребятишек. Это было их любимым развлечением — привести мамашу Бирар в ярость…

Разве в его деревне не было подобной старухи? В его времена такой фурией была галантерейщица, мамаша Татен. С ее котом тоже постоянно приключались какие-нибудь беды.

— Возможно, я докучаю вам всеми этими подробностями, но они очень важны. Случались и более серьезные инциденты. Мальчишки разбивали стекла и бросали в ее окна мусор. Я уж не знаю, сколько раз она жаловалась жандармам. Лейтенант жандармерии пришел ко мне и потребовал назвать виновных.

— И вы назвали их?

— Я ответил, что в этом в той или иной степени замешаны все дети. Но если она прекратит изображать из себя страшилище, размахивая палкой, возможно, они успокоятся.

— Что произошло во вторник?

— После полудня, приблизительно в половине второго, полька Мария, мать пятерых детей, которая прибирается в чужих домах, как обычно, отправилась к мамаше Бирар. Окна были приоткрыты, и из здания школы я услышал крики — слова, которые она произносила на родном языке. Она всегда переходит на польский, ко-

гда волнуется… Мария, то есть Мария Смелкер, приехала в нашу деревню в шестнадцать лет и нанялась батрачкой на ферму. Она никогда не была замужем. Все ее дети от разных отцов. Говорят, что по крайней мере двух детей она родила от помощника мэра… Он тоже меня ненавидит, но это совсем другая история… О ней я расскажу вам чуть позже.

— Значит, во вторник около половины второго Мария позвала на помощь?

— Да. Я не покидал класса, потому что услышал, как в дом старухи бросились люди. Чуть позже я увидел небольшой автомобиль доктора.

— Вы не пошли туда?

— Нет. Теперь меня в этом упрекают, утверждают, что, раз уж я не тронулся с места, значит, заранее знал, что увижу.

— Полагаю, вы не могли покинуть класс?

— Мог бы. Иногда я ухожу из школы, чтобы подписать кое-какие бумаги в кабинете мэра. Я мог бы позвать жену.

— Она учительница?

— Она была учительницей.

— В деревне?

— Нет. Мы оба учительствовали в Курбевуа. Там мы прожили семь лет. Но когда я попросил пере-

вести меня в деревню, она вышла в отставку.

— Почему вы уехали из Курбевуа?

— Это связано со здоровьем моей жены…

Эта тема явно не нравилась ему, и на вопрос он ответил уклончиво.

— Итак, вы не позвали жену, как это иногда случается вам делать, а сами остались с учениками…

— Да.

— Что произошло потом?

— Суматоха царила более часа. Обычно у нас в деревне спокойно. Шум доносится издалека. Но тут Маршандон, наш кузнец, перестал бить молотом. Люди переговаривались, стоя у изгородей своих палисадников. Да вы знаете, как это бывает, когда происходит подобное событие… Чтобы дети не отвлекались, я закрыл окна.

— Из окон школы можно видеть дом Леони Бирар?

— Да, из одного окна.

— Что вы увидели?

— Сначала я увидел полевого сторожа, что меня очень удивило, поскольку он давно не разговаривал с теткой своей жены. Потом Тео, помощника мэра. Он уже был изрядно пьян, как обычно после десяти часов утра. Я заметил также доктора и

других соседей. Все они столпились в комнате и смотрели на пол. Позднее из Ла-Рошели приехал лейтенант жандармерии с двумя жандармами. Но я об этом узнал только тогда, когда он постучал в дверь класса. До этого он успел расспросить многих.

— Он обвинил вас в убийстве Леони Бирар?

Гастен с упреком посмотрел на комиссара, словно собирался сказать: «Вы прекрасно знаете, как все это происходит».

Вслух же он произнес глуховатым голосом:

— Я сразу заметил, что он на меня как-то странно смотрит. Первым делом он спросил меня: «Гастен, у вас есть карабин?» Я ответил, что нет. Но карабин есть у моего сына Жан-Поля. Это сложная история… Вы должны знать, как ведут себя дети. Вдруг однажды утром видишь, как кто-то пришел в класс с шариками. И на следующий день все мальчики играют в шарики, которыми доверху полны их карманы. Потом кто-то приходит с воздушным змеем, и в течение нескольких недель все запускают воздушные змеи…

Так вот. Кто-то, я уж не помню кто, пришел с карабином 22 калибра и принялся стрелять по воробьям. Через месяц я насчитал полдюжины подобных карабинов. Мой сын захотел, чтобы мы

подарили ему карабин на Рождество. Я счел себя не вправе отказывать ему…

Даже карабин освежил воспоминания Мегрэ. Только у него была духовая винтовка, свинцовые пули которой лишь взъерошивали перья птиц.

— Я сказал лейтенанту, что, насколько мне известно, карабин должен находиться в комнате Жан-Поля. Он послал одного из жандармов проверить это. Конечно, мне надо было самому проконтролировать, где находится оружие. Но я об этом как-то не подумал. Случилось так, что карабин оказался не в комнате сына, а в сарае, где я храню тачку и инструменты.

— Леони Бирар убили из карабина 22 калибра?

— И это самое удивительное, но далеко не всё. Потом лейтенант спросил меня, не выходил ли я сегодня утром из класса, и я, на свое несчастье, ответил, что не выходил.

— А вы выходили?

— Минут на десять, сразу после перемены. Когда вам задают подобные вопросы, вы отвечаете не задумываясь. Перемена закончилась в десять часов. Может, чуть позже, в пять минут одиннадцатого. Пьебёф, фермер из Гро-Шен, пришел, чтобы я подписал бумагу, которая ему необходима для получения пенсии, ведь он инвалид

войны. Обычно я храню печать в классе. Но тем утром у меня ее не было, и я повел фермера в свой кабинет в мэрии. Ученики вели себя спокойно. А поскольку моя жена плохо себя чувствует, я затем пересек двор и зашел домой, чтобы убедиться, что она ни в чем не нуждается.

— У вашей жены плохое здоровье?

— Нервы не в порядке. Словом, я отсутствовал десять или пятнадцать минут… Нет, скорее, десять, чем пятнадцать…

— Вы что-нибудь слышали?

— Помню, что кузнец Маршандон подковывал лошадь, поскольку я слышал удары молотом по наковальне, а в воздухе стоял запах раскаленного железа. Кузница находится рядом с церковью, почти напротив школы.

— Предполагают, что именно в этот момент была убита Леони Бирар?

— Да. Кто-то из палисадника или из окна выстрелил в нее, когда она находилась на кухне, выходящей на задний двор.

— И она умерла от пули 22 калибра?

— Вот это-то и удивительно. Пуля, выпущенная с определенного расстояния, не могла причинить ей большого вреда. Но она вошла ей в голову через левый глаз и застряла в черепной коробке.

— Вы хороший стрелок?

— Многие так утверждают, поскольку видели, как этой зимой я стрелял с сыном по мишени. Возможно, это было три-четыре раза. Но я стрелял из карабина только на ярмарках.

— Лейтенант вам не поверил?

— Он прямо не обвинил меня, но удивился, что я не признался ему в том, что покидал класс. Потом, в мое отсутствие, он расспросил учеников. О результатах этого опроса он мне ничего не сказал. Затем он вернулся в Ла-Рошель. На следующий день, то есть вчера, он расположился в моем кабинете в мэрии вместе с Тео, помощником мэра.

— Где вы находились в это время?

— Я вел урок. Из тридцати двух учеников пришли только восемь. Дважды меня вызывали, задавали одни и те же вопросы. Потом мне велели подписать свои показания. Они допрашивали и мою жену. Ее спросили, сколько времени я провел с ней. Сына они расспрашивали о карабине.

— Но вас не арестовали.

— Да, вчера меня не арестовали. Но я уверен, что они это сделали бы сегодня, если бы я остался в Сент-Андре. Ночью кто-то кидал камни в окна нашего дома… Моя жена вся на нервах.

— И вы уехали один, оставив вашу жену с сы-

ном?

— Да. Я надеюсь, что соседи не посмеют причинить им зла. А вот если бы меня арестовали, они не дали бы мне возможности защищаться. Из тюрьмы я никак не смог бы общаться с внешним миром. Никто мне не поверил бы. И они сделали бы со мной всё что угодно.

Его лоб вновь покрылся по́том, пальцы переплелись так сильно, что кровь перестала в них циркулировать.

— Наверное, я ошибаюсь. Я говорил себе, что вы, возможно, согласитесь поехать со мной, чтобы установить истину, если я все расскажу вам. Я не предлагаю вам денег. Я знаю, что деньги вас не интересуют. Клянусь вам, месье комиссар, я не убивал Леони Бирар.

Мегрэ, немного поколебавшись, протянул руку к телефону и снял трубку.

— Как зовут лейтенанта жандармерии?

— Даньелу.

— Алло! Соедините меня с жандармерией Ла-Рошели. Если лейтенанта Даньелу нет на месте, свяжитесь с мэрией Сент-Андре-сюр-Мер. Я буду в кабинете Люка.

Мегрэ разъединил телефонную связь, раскурил трубку и подошел к окну. Он делал вид, будто

больше не интересуется учителем, который два-три раза открывал рот, чтобы поблагодарить комиссара, но так и не нашел нужных слов.

Яркий желтый свет, заливавший воздух, постепенно сменялся голубым. Фасады домов на другом берегу Сены приобретали кремовый оттенок. Кое-где солнечные лучи отражались в окнах мансард.

— Это вы просили соединить вас с Сент-Андресюр-Мер, патрон?

— Да, Люка. Подожди минутку.

Мегрэ прошел в соседний кабинет.

— Лейтенант Даньелу? Говорит Мегрэ из криминальной полиции Парижа. Похоже, вы кое-кого разыскиваете?

На другом конце провода жандарм не мог прийти в себя от изумления.

— Как, вы уже знаете?

— Речь идет об учителе?

— Да. Я ошибся, что поверил ему. Я даже не представлял, что он попытается скрыться. Вчера вечером он сел на поезд, идущий в Париж, и…

— У вас есть против него улики?

— И очень серьезные. По крайней мере, одно свидетельство, уличающее учителя… Мы получили его сегодня утром…

— От кого?

— От одного из его учеников.

— Он что-то видел?

— Да.

— Что именно?

— Во вторник утром учитель выходил около десяти часов двадцати минут из своего сарая. А в четверть одиннадцатого помощник мэра слышал выстрел…

— Вы попросили у следователя ордер на арест?

— Я уже собирался ехать в Ла-Рошель за ордером, как вы позвонили. Но как вы узнали? Из газет?..

— Я не читал газет. Жозеф Гастен находится в моем кабинете.

На несколько секунд воцарилось молчание. Потом лейтенант прошептал:

— А!..

Разумеется, лейтенанту хотелось задать комиссару еще один вопрос. Но он не задал его. Мегрэ же не знал, что говорить дальше. Он еще не принял окончательного решения. Если бы сегодня утром солнце не светило так ярко, если бы совсем недавно он не выкурил трубку ароматного табака, если бы не устрицы и белое вино, если бы за эти десять месяцев Мегрэ позволили взять

два-три дня отпуска, если бы…

— Алло! Вы меня слушаете?

— Да. Что вы собираетесь с ним делать?

— Привезти его вам.

— Вы сами его привезете?

Это было сказано без особого восторга. Комиссар улыбнулся.

— Хочу вам заметить, что я не позволю себе вмешиваться в ход вашего расследования.

— Вы полагаете, что он…

— Не знаю. Может, он виновен. Может, не виновен. В любом случае, я вам его привезу.

— Благодарю вас. Я встречу вас на вокзале.

В своем кабинете Мегрэ нашел Люка, который с любопытством разглядывал учителя.

— Подожди еще минутку. Я предупрежу шефа.

Работа позволяла Мегрэ взять несколько дней отпуска. Вернувшись, он спросил Гастена:

— В Сент-Андре есть таверна?

— Да, «Приятный уголок». Таверну держит Луи Помель. Там хорошо кормят, но в комнатах нет проточной воды.

— Вы уезжаете, патрон?

— Соедини меня с моей женой.

Все это произошло так неожиданно, что бедный Гастен обомлел, не решаясь радоваться.

— Что он вам сказал?

— Возможно, он вас арестует, как только мы приедем на вокзал.

— Но… Вы едете вместе со мной?..

Мегрэ кивнул головой и взял телефонную трубку, которую протягивал ему Люка:

— Это ты? Приготовь мне чемоданчик с бельем и необходимыми туалетными принадлежностями… Да… Да… Точно не знаю… Возможно, дня на три или на четыре…

И весело добавил:

— Я еду к морю, в Шаранту… В край устриц и мидий. А пока я пообедаю в городе. До скорого…

У него было ощущение, что он неплохо кого-то разыграл, как мальчишки, столь долго досаждавшие старой Леони Бирар.

— Идемте со мной, перекусим что-нибудь, — обратился Мегрэ к учителю, который послушно встал и последовал за ним, словно во сне.

2
Служанка из «Приятного уголка»

Когда поезд стоял в Пуатье, на платформах одновременно зажглись все фонари, хотя было еще светло. И только позднее, когда вдоль поезда замелькали поля и пастбища, стало темнеть. Окна ферм, расположенных на отшибе, заблестели, словно звезды.

Потом, за несколько километров от Ла-Рошели, на землю начал опускаться легкий туман. Но это был не деревенский, а морской туман, смешавшийся с темнотой. На какой-то миг вдалеке блеснул луч маяка.

В купе ехали еще двое, мужчина и женщина. Во время поездки они иногда поднимали голову, чтобы обменяться несколькими фразами. Жозеф Гастен все чаще и чаще, особенно к концу поездки, устало посматривал на комиссара.

Колеса постукивали на стыках. За окнами мелькали низенькие дома. Железнодорожных путей становилось все больше. Наконец показались платформы вокзала, двери с привычными вывес-

ками, ждущие люди, можно было подумать, те же самые, что и на предыдущих вокзалах. Едва открылась дверь, как в купе ворвался крепкий, свежий воздух, исходивший из черноты впереди, где, как казалось, заканчивались пути. Но если взглянуть более внимательно, можно было различить мачты и трубы кораблей, равномерно покачивающихся на волнах. Слышались крики чаек. Словом, это был знакомый запах моря и гудрона.

Около выхода неподвижно стояли трое мужчин. У лейтенанта Даньелу, совсем молодого человека, были черные усы и густые брови. И только когда всего лишь несколько метров отделяли его от Мегрэ и учителя, лейтенант подошел ближе и вскинул руку в военном приветствии:

— Честь имею, месье комиссар, — произнес он.

Мегрэ заметил, что один из бригадиров стал доставать из кармана наручники, и прошептал, обращаясь к лейтенанту:

— Не думаю, что в этом есть необходимость.

Лейтенант подал знак своему подчиненному. Несколько прохожих посмотрели на них. Люди толпой двигались к выходу, неся тяжелые чемоданы, пересекали по диагонали зал ожидания.

— Лейтенант, я намерен не вмешиваться в ход

вашего расследования. Надеюсь, что вы меня поняли. Я здесь неофициально.

— Я знаю. Мы говорили об этом со следователем.

— Полагаю, он не рассердился?

— Напротив, он обрадовался, узнав, что вы собираетесь нам помогать. Но в данный момент мы не можем поступить иначе — мы должны поместить его под арест.

Жозеф Гастен, стоявший в метре от них, делал вид, будто не прислушивается к разговору.

— В любом случае, это в его же интересах. В тюрьме он будет в большей безопасности, чем где-либо. Вы же знаете, как на убийство реагируют в маленьких городах и деревнях…

Лейтенант говорил немного скованно. Мегрэ тоже чувствовал себя не в своей тарелке.

— Вы ужинали?

— Да, в поезде.

— Вы рассчитываете сегодня остаться на ночлег в Ла-Рошели?

— Мне сказали, что в Сент-Андре есть таверна.

— Позвольте угостить вас стаканчиком вина…

Поскольку Мегрэ не ответил ни «да» ни «нет», лейтенант отдал приказ своим людям. Те подошли к учителю. Комиссару нечего было сказать

этому человеку, и он только строго взглянул на него.

— Вы все слышали. Через это надо пройти. Я постараюсь сделать все, что в моих силах.

Казалось, комиссар извинялся. Гастен посмотрел на Мегрэ, через несколько шагов обернулся, чтобы взглянуть на него еще раз, и вошел в дверь в сопровождении двух жандармов.

— Давайте пройдем в буфет, — тихо сказал Даньелу. — Но, может, вы предпочитаете зайти ко мне?

— Не сегодня.

Несколько пассажиров ужинали в плохо освещенном зале.

— Что будете пить?

— Не знаю… Коньяк.

Они сели в уголке за стол, накрытый к ужину.

— Будете ужинать? — спросила официантка.

Они отрицательно покачали головой.

Когда официантка поставила перед ними напитки, смущенный лейтенант спросил:

— Вы полагаете, что он невиновен?

— Не знаю.

— До тех пор, пока у нас не было свидетельства мальчишки, мы могли оставлять его на свободе. К сожалению для него, это свидетельство не

вызывает сомнений. Похоже, ребенок говорил искренне. Да и у него нет причин, чтобы врать.

— И когда же он заговорил?

— Сегодня утром, когда я во второй раз опросил весь класс.

— А вчера он ничего не сказал?

— Он был напуган. Вы сами его увидите. Если хотите, завтра утром, когда я приеду туда, я передам вам дело. Бóльшую часть дня я провожу в мэрии.

Напряжение не спадало. Казалось, массивная фигура комиссара и его репутация угнетающе действовали на лейтенанта.

— Вы привыкли к такого рода делам и к парижанам. Я не знаю, знакома ли вам атмосфера маленьких деревень…

— Я родился в деревне. А вы?

— В Тулузе.

Лейтенант попытался улыбнуться.

— Хотите, я провожу вас?

— Будет лучше, если я возьму такси.

— Ну, что же. Такси ждут на привокзальной площади.

Они расстались у машины, стоявшей у вокзала. Комиссар нагнулся, чтобы в темноте порта рассмотреть рыболовецкие суда.

Мегрэ жалел, что они приехали ночью. Машина развернулась и вскоре покинула город. Они ехали по полям, ничем не отличавшимся от других полей. Миновав две деревни, машина остановилась около освещенного окна.

— Это здесь?

— Вы ведь ищете «Приятный уголок», не правда ли?

Какой-то толстяк подошел к стеклянной двери и, не открывая ее, стал следить за движениями Мегрэ, который вынул из багажника чемодан, поставил его на землю, расплатился с шофером и направился к таверне.

В углу мужчины играли в карты. Таверна пропахла вином и рагу. Вокруг двух светильников вился дымок.

— У вас есть свободная комната?

Все посмотрели на комиссара. Из кухни выглянула женщина.

— На ночь?

— Возможно, на два-три дня.

Хозяин таверны окинул Мегрэ взглядом с ног до головы.

— У вас есть удостоверение личности? К нам каждое утро приходят жандармы, и наша регистрационная книга должна быть в порядке.

Четверо мужчин перестали играть, внимательно прислушиваясь к разговору. Мегрэ, подойдя к стойке, заставленной бутылками, протянул свое удостоверение личности. Хозяин таверны надел очки и принялся читать. Подняв голову, он лукаво взглянул на Мегрэ:

— Вы ведь тот самый знаменитый комиссар, не правда ли? Меня зовут Помель, Луи Помель.

И, обернувшись к кухне, Помель позвал:

— Тереза! Отнеси чемодан комиссара в переднюю комнату!

У Мегрэ, сначала не обратившего особого внимания на женщину, которой, вероятно, было лет тридцать, создалось впечатление, что он где-то ее видел. Эта мысль озарила его мгновенно, как это случалось, когда он сталкивался с кем-нибудь, кого прежде видел в чистилище. Женщина тоже нахмурилась, явно что-то вспомнив.

— Что вам предложить?

— Все, что у вас есть. Коньяк, если можно.

Другие посетители таверны ради приличия продолжили играть в белот.

— Вы приехали из-за Леони?

— Не официально.

— Правда, что учителя обнаружили в Париже?

— Теперь он находится в тюрьме Ла-Рошели.

Было трудно догадаться, о чем думал Помель. Хотя он был хозяином таверны, все же выглядел как крестьянин с фермы.

— Вы думаете, что это он?

— Не знаю.

— Полагаю, вы не приехали бы, если бы думали, что он виновен. Или я ошибаюсь?

— Возможно, что не ошибаетесь.

— Один человек слышал выстрел. Тео! Ведь ты же слышал выстрел?

Один из игроков обернулся к ним. Это был мужчина лет шестидесяти пяти, возможно старше, с рыжими волосами с проседью, небритым лицом и хитрыми осовелыми глазами.

— А почему бы мне его и не слышать?

— Это комиссар Мегрэ. Он приехал из Парижа, чтобы…

— Лейтенант мне говорил о нем.

Он не встал, не поздоровался, а просто держал засаленные карты в руках. Под ногтями у него была грязь. Помель тихо объяснил:

— Это помощник мэра.

Мегрэ ответил, тоже лаконично:

— Знаю.

— Не обращайте на него внимания. В это время…

И хозяин таверны жестом показал, будто пьет.

— А ты, Фердинанд, что ты видел?

У мужчины, которого назвали Фердинандом, была только одна рука. У него было смуглое лицо, как это бывает у людей, которые слишком много времени проводят на солнце.

— Наш почтальон, — объяснил Луи Помель. — Фердинанд Корню. Так что же ты видел, Фердинанд?

— Ничего особенного.

— Ты видел Тео в его саду?

— Я даже отнес ему письмо.

— А что он делал?

— Он пересаживал лук.

— В котором часу это было?

— Церковные часы пробили ровно десять часов. Я мог видеть их на колокольне, над домами… Дама! Хожу королем той же масти, что и дама! Бью девятку… Туз пик, козырной бубновый туз…

Он бросал карты на стол, на котором остались мокрые круги от стаканов, и с вызовом смотрел на своих партнеров.

— И черт бы побрал тех, кто приезжает докучать нам, — добавил он, вставая. — Сегодня твоя очередь платить, Тео.

Его движения были неловкими, походка неуве-

ренной. Он снял с крючка форменную фуражку почтальона и направился к двери, бормоча под нос какие-то слова, которые никто не мог разобрать.

— Он всегда такой по вечерам?

— Почти всегда.

Луи Помель хотел наполнить два стакана, но Мегрэ закрыл один стакан рукой.

— Не сейчас… Полагаю, вы закроетесь немного погодя? У меня есть время, чтобы прогуляться перед сном?

— Я буду вас ждать.

И Мегрэ шагнул в гробовую тишину. Перед ним была небольшая площадь, не круглая и не квадратная. Справа над площадью возвышался темный силуэт церкви, напротив стояла неосвещенная лавка, над которой он с трудом различил надпись: *«Шарантский кооператив»*.

В сером каменном угловом доме горел свет. Были освещены окна третьего этажа. Приблизившись к крыльцу с тремя ступеньками, Мегрэ увидел медную дощечку, чиркнул спичкой и прочитал:

«Ксавье Бресель.
Доктор медицины»

От нечего делать Мегрэ чуть не позвонил, толком не зная, с чего начать. Потом пожал плечами, подумав, что доктор, вероятно, уже собирается ложиться.

Большинство окон домов были темными. По флагу Мегрэ узнал одноэтажное здание мэрии. Это была крошечная контора, а во дворе, на втором этаже, вероятно, дома Гастена горела лампа.

Мегрэ свернул направо, направился вдоль фасадов и палисадников, чуть позже встретил помощника мэра, который брел в противоположном направлении и что-то буркнул вместо приветствия.

Мегрэ не слышал шума моря, нигде не видел берега. Заснувшая деревня была похожа на любой сельский поселок и не соответствовала тому образу, который он создал себе, представляя, как наслаждается устрицами под белое вино, сидя на террасе, выходившей на океан.

Сам толком не понимая почему, Мегрэ был разочарован. Уже встреча с лейтенантом на вокзале охладила его пыл. Но он не мог сердиться на лейтенанта. Даньелу был знаком с тем местом, где служил, вероятно, уже несколько лет. Разразилась трагедия. Он постарался расследовать ее, а тут из Парижа неожиданно приезжает Мегрэ,

полагающий, что лейтенант ошибается.

Вероятно, следователь тоже был не в восторге. Конечно, они не осмелились выразить комиссару свое неудовольствие, были вежливыми, предоставили ему возможность ознакомиться с делом. Тем не менее Мегрэ сковывал их действия, вмешиваясь в то, что его непосредственно не касалось. И комиссар начал спрашивать себя: почему он принял столь неожиданное решение и приехал сюда?

Он слышал шаги, голоса. Несомненно, это два других игрока в белот возвращались домой. Потом, чуть дальше, желтый пес потерся о его ноги, и он вздрогнул от неожиданности.

Когда Мегрэ открыл дверь «Приятного уголка», в зале горела только одна лампа. Хозяин, стоя за стойкой, расставлял стаканы и бутылки. Он снял куртку и жилет. Его темные брюки спустились вниз выступающего живота, а закатанные рукава позволяли видеть толстые волосатые руки.

— Выяснили что-нибудь?

Луи Помель полагал, что ведет хитроумную игру. Ему надо было непременно показать, что он самый важный человек в деревне.

— Последний стаканчик?

— При условии, что плачу я…

Мегрэ, которому с самого утра хотелось местного белого вина, выпил еще коньяку, поскольку ему казалось, что час вина еще не наступил.

— Ваше здоровье!

— Думаю, — тихо сказал комиссар, вытирая рот, — что в деревне Леони Бирар не любили.

— Да, ее в наших краях считали старой каргой. Теперь она мертва. Бог взял ее душу, вернее, дьявол… Но, несомненно, она была самой злой женщиной из всех, которых я знал. А ее-то я знаю с тех самых пор, когда на ее спине лежали две косички и мы вместе ходили в школу. Ей было… минуточку… она на три года старше меня. Да, верно. Мне шестьдесят четыре, следовательно, ей было шестьдесят семь. В двенадцать лет она уже была той еще заразой.

— Я не понимаю… — начал Мегрэ.

— А вы многого не поймете, несмотря на всю свою хитрость. Так позвольте мне просветить вас.

— Я не понимаю, — продолжил Мегрэ, словно говоря с самим собой, — почему люди так ополчились на учителя, если ненавидели старуху всей душой. В конце концов, если даже это он убил ее, следовало ожидать, что…

— Что все скажут: «Слава богу, наконец-то из-

бавились!» Вы ведь так думаете, не правда ли?

— Примерно так.

— Только вы забываете, что Леони была местная.

Он наполнил стаканы, хотя Мегрэ его об этом не просил.

— Понимаете, это как в семье. Все имеют право ненавидеть друг друга, и никто за это не будет в обиде. Но если вмешивается посторонний, дело принимает совсем другой оборот. Да, все ненавидели Леони. Но Гастена и его жену все ненавидят еще сильнее.

— И его жену?

— Главным образом его жену.

— Почему? Чем она занимается?

— Здесь — ничем.

— Что значит здесь?

— В конце концов тайное становится явным, даже в таком глухом уголке, как наш. А мы не любим, когда к нам присылают людей, которых не хотят видеть в других местах. Супруги Гастены уже не в первый раз становятся причастными к трагедии.

За Луи Помелем, облокотившимся о стойку, было интересно наблюдать. Разумеется, ему хотелось поговорить, но всякий раз, когда хозяин

таверны произносил фразу, он жадно всматривался в лицо Мегрэ, чтобы понять, какое впечатление произвели на того его слова. И он был готов в любую минуту спохватиться, даже начать противоречить себе, как крестьянин, продающий пару быков на ярмарке.

— Словом, вы приехали, ничего не зная?

— Я знаю только, что Леони Бирар была убита. Пуля попала ей в левый глаз.

— И ради этого вы проделали такое путешествие!..

Он по-своему насмехался над Мегрэ.

— А вам не хотелось заехать в Курбевуа?

— А стоило?

— Там вам рассказали бы любопытную историю. Понадобилось время, чтобы она дошла до нас. Жители Сент-Андре узнали о ней только два года назад.

— Что за история?

— Гастенша была учительницей, работала вместе с мужем в одной школе. Она занималась девочками, он — мальчиками.

— Знаю.

— А вам рассказывали о Шевасу?

— Кто такой этот Шевасу?

— Тамошний муниципальный советник, кра-

сивый парень, высокий, сильный, черноволосый. Говорит с южным акцентом. Была и мадам Шевасу. И вот в один прекрасный день на улице после уроков мадам Шевасу выстрелила в учительницу, ранив ее в плечо. Вы догадываетесь почему? Потому что она узнала, что ее муж и Гастенша ведут себя, как хряк и свиноматка. Кажется, ее оправдали. Потом Гастены были вынуждены уехать из Курбевуа. У них вдруг проснулась любовь к сельской жизни.

— Только я не вижу никакой связи со смертью Леони Бирар…

— Возможно, никакой связи и нет.

— Судя по вашим словам, Жозеф Гастен не сделал ничего дурного.

— Он рогоносец.

Луи Помель улыбался, довольный сам собой.

— Разумеется, есть и другие рогоносцы. У нас в деревне их полным-полно… Желаю вам приятных снов. Может, по последнему стаканчику?

— Нет, спасибо.

— Тереза покажет вам вашу комнату. Скажите ей, когда вам надо принести горячей воды.

— Благодарю вас. Спокойной ночи.

— Тереза!

Тереза стала первой подниматься по лестнице

с неровными ступеньками, потом свернула в коридор, оклеенный цветастыми обоями, и открыла дверь.

— Разбудите меня в восемь часов, — попросил Мегрэ.

Тереза продолжала стоять, не двигаясь. Она смотрела на комиссара так, словно хотела доверить ему какую-то тайну. Мегрэ внимательнее присмотрелся к ней.

— Мы с вами где-то уже встречались, не так ли?

— Вы помните?

Мегрэ не стал признаваться ей, что его воспоминания были довольно смутными.

— Мне не хотелось бы, чтобы вы здесь об этом говорили.

— Вы не местная?

— Местная. Но я в пятнадцать лет уехала в Париж на заработки.

— И вы там действительно работали?

— В течение четырех лет.

— А потом?

— Вы всё знаете, поскольку видели меня. Комиссар Приоле скажет вам, что я не брала бумажник. Его взяла моя подружка, Люсиль, а я об этом даже не догадывалась.

В памяти Мегрэ всплыли более четкие воспоминания. Он понял, где ее видел. Однажды утром он вошел, как это часто случалось, в кабинет своего коллеги Приоле, начальника бригады по охране нравов, или «светской» бригады, как ее называли. На стуле сидела молоденькая брюнетка с растрепанными волосами. Она вытирала глаза и всхлипывала. В ее бледном болезненном лице было нечто, что привлекло внимание Мегрэ.

— Что она натворила? — спросил он у Приоле.

— Старая песня. Проститутка, промышляющая на Севастопольском бульваре. Позавчера торговец из Безье подал жалобу, что его обокрали. Он дал нам точное описание воровки. Вчера мы ее сцапали на танцульках на улице Лап.

— Это не я! — бормотала девушка между двух всхлипываний. — Клянусь мамой, это не я. Я не брала бумажник.

Мужчины лукаво переглянулись.

— Что ты об этом думаешь, Мегрэ?

— Ее до этого арестовывали?

— Нет.

— Откуда она?

— Откуда-то из Шаранты.

Они часто разыгрывали подобную комедию.

— Ты нашел ее подружку?

— Пока нет.

— Почему бы тебе не отправить девицу обратно в деревню?

Приоле повернулся к девушке и строго спросил:

— Вы хотите вернуться в деревню?

— Только если там ничего не узнают.

Было забавно встретить ее сейчас, повзрослевшую на пять-шесть лет, по-прежнему бледную, с большими темными глазами, которые умоляюще смотрели на комиссара.

— Луи Помель женат? — вполголоса спросил Мегрэ.

— Он вдовец.

— Вы спите с ним?

Тереза кивнула головой.

— Он знает, чем вы занимались в Париже?

— Нет. Не надо, чтобы он знал. Он все обещает на мне жениться. Вот уже несколько лет обещает… Но все-таки когда-нибудь он решится.

— Тереза! — раздался голосу с низу лестницы.

— Сейчас иду!

Потом она спросила Мегрэ:

— Вам ничего не нужно?

Мегрэ покачал головой и приветливо улыбнулся.

— Не забудьте принести мне горячую воду в восемь часов.

Мегрэ был доволен, что встретил Терезу, поскольку, по сути, рядом с ней он чувствовал себя на знакомой территории. Это было немного похоже на встречу со старой приятельницей.

Впрочем, у него сложилось впечатление, что и других он тоже знал, хотя и видел мельком. Ведь в его родной деревне тоже были помощник мэра, который пил, игроки в карты, — правда, тогда играли не в белот, а в пикет, — почтальон, возомнивший себя важной птицей, и хозяин таверны, знавший тайны всех и каждого.

Их лица навсегда запечатлелись в его памяти. Только он видел их глазами ребенка и теперь понимал, что по-настоящему не знал этих людей.

Раздеваясь, он слышал шаги Помеля, поднимавшегося по лестнице, потом шум, раздававшийся в соседней комнате. Тереза присоединилась к хозяину таверны чуть позже и тоже стала раздеваться. Они разговаривали вполголоса, как муж и жена, которые ложатся спать. Пружины заскрипели, а потом все смолкло.

Мегрэ было как-то неуютно под двумя огромными пуховыми перинами, и он долго ворочался.

Вскоре он почувствовал запах сена и деревенской плесени. Возможно, из-за перин или из-за коньяка, который он пил с хозяином из толстых стаканов, Мегрэ сильно потел.

На рассвете сквозь сон до него стали долетать различные звуки, в том числе топот стада коров, которые шли вдоль таверны и изредка мычали. Вскоре заработала кузница. Внизу кто-то убирал ставни. Мегрэ, открыв глаза, увидел еще более яркое солнце, чем накануне в Париже, сел и натянул брюки.

Сунув босые ноги в домашние туфли, он спустился. Тереза была на кухне. Она варила кофе. На ночную рубашку она накинула цветастый халат. Ноги ее были босыми, и от нее пахло постелью.

— Еще нет восьми. Только половина седьмого. Хотите кофе? Он будет готов через пять минут.

Спустился и Помель, небритый, неумытый, в домашних туфлях, как и комиссар.

— А я думал, что вы не собираетесь вставать раньше восьми.

Они выпили свой первый кофе из толстых фаянсовых чашек, стоя около плиты. На площади собрались женщины в черном с корзинами и сумками в руках.

— Чего они ждут? — спросил Мегрэ.

— Автобус. Сегодня в Ла-Рошели базарный день.

Было слышно, как кудахтали куры, сидевшие в клетках.

— Кто теперь ведет уроки?

— Вчера никто. Сегодня утром ждут нового учителя из Ла-Рошели. Он должен приехать на автобусе. Он остановится здесь, в задней комнате, поскольку вы занимаете переднюю.

Мегрэ вернулся в свою комнату, когда на площади остановился автобус. Он увидел, как из него вышел застенчивый молодой человек. В руках он нес большой чемодан. Вероятно, это был учитель.

Клетки поставили на крышу автобуса. Женщины забились внутрь. В дверь постучала Тереза.

— Горячая вода!

Ненавязчиво, глядя куда-то вдаль, Мегрэ спросил:

— Вы тоже считаете, что Гастен убил Леони?

Прежде чем ответить, Тереза бросила быстрый взгляд на приоткрытую дверь.

— Я не знаю, — тихо сказала она.

— Вы в это не верите?

— Он на такое не способен. Но все они хотят, чтобы это был он, понимаете?

Мегрэ начал понимать другое: он без всяких на то оснований взвалил на себя трудную, если не сказать невыполнимую, задачу.

— Кто был заинтересован в смерти старухи?

— Не знаю. Говорят, она лишила наследства свою племянницу, когда та вышла замуж.

— Кому достанутся ее деньги?

— Может, пойдут на благотворительность. Она так часто меняла решения!.. А может, польке Марии…

— Это правда, что помощник мэра сделал ей одного или двух детей?

— Марии? Все так говорят… Он часто захаживает к ней, а порой и проводит у нее ночи.

— Несмотря на детей?

— Марию это не смущает. К ней все ходят.

— Помель тоже?

— Случалось, когда она была помоложе. Теперь она не слишком-то аппетитная.

— Сколько ей лет?

— Около тридцати. Она совсем не следит за собой. А у нее дома хуже, чем в конюшне.

— Тереза! — раздался голос хозяина таверны, как и накануне вечером.

Не стоило настаивать. Казалось, Помель был недоволен. Может, он ревновал? Или просто не

хотел, чтобы она откровенничала с комиссаром.

Когда Мегрэ спустился, молодой учитель завтракал. Он с любопытством посмотрел на комиссара.

— Что будете есть, комиссар?

— У вас есть устрицы?

— Только не при квадратурном приливе.

— И долго он продержится?

— Еще пять-шесть дней.

Еще в Париже Мегрэ хотелось устриц, сбрызнутых белым вином. Но, возможно, за время своего пребывания здесь он их так и не отведает.

— Есть суп. Если хотите, мы можем приготовить для вас яйца с ветчиной.

Мегрэ не стал ничего есть, выпил вторую чашку кофе и, стоя на пороге, принялся смотреть на площадь, залитую солнцем, на две фигуры, ходившие внутри «Шарантского кооператива».

Он раздумывал, не выпить ли стаканчик белого вина, чтобы отбить ужасный вкус кофе, как вдруг рядом с ним раздался веселый голос:

— Комиссар Мегрэ?

Мужчина был маленьким, худым, очень подвижным, с молодым взглядом, хотя ему явно перевалило за сорок. Он радушно протягивал руку.

— Доктор Бресель! — представился он. — Вчера лейтенант сообщил мне, что ожидает вашего приезда. Я хочу предоставить себя в ваше распоряжение прежде, чем начну прием. Через час моя прихожая будет забита до отказа.

— Выпьете что-нибудь?

— У меня дома, если позволите. Это в двух шагах отсюда.

— Я знаю.

Мегрэ последовал за доктором в серый каменный дом. Все остальные дома деревни были оштукатурены: одни ярко-белой известью, другие кремовой. Розовые крыши придавали пейзажу несколько игривый вид.

— Входите! Что изволите выпить?

— Еще в Париже мне хотелось устриц и местного белого вина, — признался Мегрэ. — Что касается устриц, то я уже понял, что придется обойтись без них…

— Арманда! — крикнул доктор, повернувшись к двери. — Принеси бутылочку белого вина. Из красного ящика.

Он объяснил:

— Это моя сестра. С тех пор как я овдовел, она ведет мой дом. У меня двое детей. Один сын учится в лицее в Ниоре, а второй проходит военную

службу. Что вы думаете о Сент-Андре?

Казалось, его все забавляло.

— О, я забыл, что вы еще многого не видели. Погодите! Возьмем, например, этого каналью Помеля, который был батраком, а потом женился на хозяйке «Приятного уголка», когда ее муж умер. Она была старше Луи на двадцать лет. И любила пропустить стаканчик-другой. А поскольку она была чертовски ревнивой и все деньги принадлежали ей, он убил ее, поднося стаканчик за стаканчиком. Понимаете? Он сделал так, чтобы она с каждым днем пила все больше. Часто она уже после завтрака поднималась наверх, чтобы прилечь. Она держалась семь лет, окончательно испортив себе печень. Он устроил ей достойные похороны. С тех пор он спал со служанками, которые приходили и уходили. Только Тереза вот задержалась.

Вошла сестра доктора. Робкая, невзрачная, она принесла поднос, на котором стояли бутылка и два хрустальных бокала. Мегрэ нашел, что женщина была похожа на служанку кюре.

— Моя сестра. Комиссар Мегрэ.

Женщина ушла, чуть пятясь. Казалось, это тоже забавляло доктора.

— Арманда никогда не была замужем. По сути,

я убежден, что всю свою жизнь она ждала, когда я овдовею. Теперь, наконец, у нее есть дом, и она может баловать меня, как баловала бы мужа.

— Что вы думаете о Гастене?

— Бедняга.

— Почему?

— Потому что он делает все, что может, изо всех сил, отчаянно, а люди, которые делают все, что могут, всегда несчастны. Никто не благодарит его. Он старается научить чему-нибудь эту банду юных сорванцов, но их родители предпочли бы, чтобы те работали на ферме. Он даже пытался заставить их мыться. Помню, как-то раз он отослал одного ученика домой, потому что у того были вши. Через четверть часа прибежал разгневанный отец мальчишки. Там был такой скандал!..

— Его жена больна?

— Ваше здоровье! Она не больна в прямом смысле этого слова, но и назвать здоровой ее нельзя. Понимаете, я научился не верить медицинским истинам… Гастенша все время корит себя. Ей стыдно. Она с утра до вечера упрекает себя за то, что сделала несчастным своего мужа.

— Из-за Шевасу?

— Вы уже знаете? Да, из-за Шевасу. Вероятно, она действительно его любила. Испытывала то,

что называется всепоглощающей страстью. Вы не поверите, увидев ее, поскольку сейчас эта славная женщина ничего собой не представляет. Она похожа на своего мужа так, как сестра походит на брата. По сути, возможно, в этом и заключается их несчастье. Они слишком похожи друг на друга. Шевасу же был высоким здоровяком, полным жизни, таким самодовольным быком. И он делал с ней всё, что хотел. К тому же у нее болит правая рука. Она ею плохо владеет.

— В каких отношениях она была с Леони Бирар?

— Виделись они только из окна, через двор или палисадники. Время от времени Леони Бирар показывала ей язык, как и всем остальным. Но в этой истории меня удивляет один момент. Леони, казавшаяся вечной, была убита мелкокалиберной пулей, вылетевшей из детского карабина. Но это еще не все… Мы находим невероятные совпадения. Этот левый глаз, в который попала пуля, был больным. Вот уже много лет, как он перестал видеть. Что вы об этом скажете?

Доктор поднял бокал. Вино с зеленоватыми переливами было сухим, легким, с ярко выраженным местным вкусом.

— Ваше здоровье! Они все будут пытаться

вставлять вам палки в колеса. Не верьте ничему, что они будут вам говорить, будь то родители или дети. Приходите ко мне, когда у вас появится желание. Я сделаю все возможное, чтобы помочь вам.

— Вы их не любите?

В глазах доктора заиграли насмешливые искорки, и он весело сказал:

— Я их обожаю! Они такие уморительные!

3
Любовница Шевасу

Дверь мэрии выходила в коридор с белыми стенами, недавно покрашенными известкой. На них висели административные объявления, прикрепленные кнопками. Некоторые объявления, сообщающие о внеочередных заседаниях муниципального совета, были написаны от руки округлым почерком, наверное, учителем. Пол был покрыт серой плиткой, двери тоже были серыми. Левая дверь, вероятно, вела в зал заседаний совета, где находились бюст Марианны и знамя, а приоткрытая правая дверь вела в секретариат.

В комнате никого не было, но в воздухе витал запах давно потушенной сигары. Лейтенант Даньелу, сделавший этот кабинет своим генеральным штабом, еще не пришел.

Напротив входной двери в другом конце коридора находилась двухстворчатая дверь. Она вела во двор, посредине которого росла липа. Справа от двора стояло низкое здание с тремя окнами. Это была школа. В окнах виднелись лица мальчиков и девочек, сидевших рядами за партами,

а в центре стоял новый учитель, которого Мегрэ видел в таверне.

Все было спокойно, как в монастыре. Было слышно лишь, как кузнец бил молотом по наковальне. В глубине находились изгороди, за которыми виднелись палисадники, нежно-зеленые листочки, распускавшиеся на ветвях сирени, белые и желтые дома с кое-где открытыми окнами.

Мегрэ повернул налево, направившись к двухэтажному дому Гастенов. Едва комиссар протянул руку, чтобы постучать, как дверь открылась. Он оказался на пороге кухни, где за столом, накрытым коричневой клеенкой, сидел мальчик в очках, склонившись над тетрадью.

Дверь комиссару открыла мадам Гастен. Из окна она видела, как он остановился во дворе, оглянулся и медленно направился к дому.

— Вчера я узнала, что вы должны приехать, — сказала она, отстраняясь, чтобы дать ему дорогу. — Входите, месье комиссар. Если бы вы знали, как я этому рада!

Она вытерла мокрые руки о передник и повернулась к сыну, который даже не поднял головы, словно игнорировал приход посетителя.

— Жан-Поль, почему ты не здороваешься с ко-

миссаром Мегрэ?

— Здравствуйте.

— Может, уйдешь в свою комнату?

Кухня была маленькой, но удивительно чистой, тщательно убранной, несмотря на раннее утро. Юный Гастен, не сказав ни слова, взял учебник, вышел в коридор и стал подниматься по лестнице, которая вела на второй этаж.

— Идите сюда, месье комиссар.

Они прошли по коридору и вошли в комнату, которая служила гостиной, но в которой явно редко бывали. Справа у стены стояли пианино, круглый массивный дубовый стол и кресла с гипюровыми салфетками. На стенах висели фотографии. Всюду были расставлены безделушки.

— Садитесь, прошу вас.

Дом состоял из четырех маленьких комнат. Внутри Мегрэ ощущал себя слишком крупным и слишком широким. Но в то же самое время, едва он переступил порог, ему почудилось, что он неожиданно оказался в нереальном мире.

Все говорили, что мадам Гастен была удивительно похожа на мужа, но он не представлял, что она походила на него так, что их можно было принять за брата и сестру. У мадам Гастен были волосы такого же неопределенного цвета, такие

же редкие. Лицо немного вытянуто вперед, светлые глаза были близорукими. Мальчик же был настоящей карикатурой на отца и мать.

Пытался ли он, находясь на втором этаже, подслушать, о чем говорили внизу, или с головой ушел в свою тетрадь? Ему было лет двенадцать, но он уже походил на маленького старичка, вернее, на человечка без возраста.

— Я не пустила его в школу, — объяснила мадам Гастен, закрывая дверь. — Я подумала, что так будет лучше. Знаете, дети такие жестокие…

Если бы Мегрэ продолжал стоять, он заполнил бы собой почти всю комнату. Поэтому, опустившись в кресло, он знáком пригласил свою собеседницу сесть, поскольку ему было неприятно созерцать ее стоящей перед ним навытяжку.

Она была такой же безвозрастной, как и ее сын. Мегрэ знал, что ей тридцать четыре года, и ему редко встречались женщины ее возраста, лишенные всякого намека на женственность. Под платьем неопределенного цвета скрывалось худое, изможденное тело. Спина начала горбиться, а кожа, вместо того чтобы стать загорелой под деревенским солнцем, как-то посерела. Даже голос ее был каким-то тусклым.

Женщина попыталась улыбнуться; когда она

говорила, то робко дотрагивалась до руки Мегрэ:

— Я так вам признательна за то, что вы поверили ему!

Мегрэ не мог ей ответить, что он до сих пор в этом не уверен, не мог признаться, что внезапно решил приехать из-за первого весеннего солнца, заливавшего своим светом Париж, из-за воспоминаний об устрицах и белом вине.

— Если бы вы знали, как я корю себя, месье комиссар! Ведь, похоже, это все случилось из-за меня. Это я испортила ему жизнь, да и жизнь нашего сына. Я делаю все возможное, чтобы искупить свои грехи… Я стараюсь изо всех сил, понимаете?

Мегрэ чувствовал себя так же неловко, как человек, который, сам того не ведая, входит в дом, где лежит незнакомый ему покойник, и не знает, что сказать. Комиссар проник в особенный мирок, не принадлежащий деревне, в центре которой он находился.

Эти трое — Гастен, его жена и их сын — настолько отличались от всех прочих обитателей, что комиссар хорошо понимал, почему крестьяне питают к ним недоверие.

— Я не знаю, чем всё это закончится, — продолжала она, вздохнув, — но я не могу поверить,

что суд вынесет обвинительный приговор невиновному. Он неординарный человек! Вы видели его, но вы его не знаете… Скажите, как он вчера вечером держался?

— Очень хорошо. Очень спокойно.

— Это правда, что на вокзале на него надели наручники?

— Нет, он сам пошел за жандармами.

— На него смотрели?

— Нет, все произошло незаметно.

— Как вы думаете, ему что-нибудь нужно? У него неважное здоровье, он никогда не был крепким.

Она не плакала. Вероятно, она в своей жизни пролила так много горьких слез, что теперь их у нее просто не осталось. Прямо над ее головой, справа от окна, висела фотография. На ней была запечатлена пухленькая девушка. Мегрэ не мог оторвать от фотографии глаз, спрашивая себя: неужели она и правда была такой — со смеющимися глазами и даже ямочками на щеках?

Рядом висела фотография Гастена. Он почти не изменился, только в ту пору он носил длинные волосы, подражая художникам, как тогда говорили. Он, несомненно, писал стихи.

— Вам уже сказали? — прошептала она, бросив

взгляд на дверь.

Мегрэ чувствовал, что она хотела поговорить именно на эту тему, что именно об этом она думала, едва ей сообщили о его приезде. Это было единственным, что для нее имело значение.

— Вы намекаете на то, что произошло в Курбевуа?

— С Шарлем, да…

Она спохватилась, покраснела, словно произносить это имя было запрещено.

— Шевасу?

Она кивнула головой.

— Я до сих пор спрашиваю себя, как такое могло случиться… Я столько выстрадала, месье комиссар! Как я хочу, чтобы мне это объяснили! Понимаете, я вовсе не плохая жена. Я познакомилась с Жозефом, когда мне было пятнадцать лет, и сразу же поняла, что выйду за него замуж. Мы вместе готовились к нашей совместной жизни. Мы оба решили, что станем учителями…

— Это он подсказал вам такую идею?

— Да. Он умнее меня. Он выдающийся человек. Но поскольку он очень скромный, то люди не всегда это замечают. Мы получили диплом одновременно, а потом поженились. Благодаря моему влиятельному кузену мы получили место

в Курбевуа.

— Вы полагаете, что все это имеет отношение к тому, что здесь произошло во вторник?

Она с удивлением посмотрела на Мегрэ. Он не должен был ее прерывать, поскольку она потеряла нить своих мыслей.

— Это моя вина…

Она нахмурила брови. Казалось, ей было трудно все объяснить.

— Если бы в Курбевуа ничего не произошло, мы не оказались бы здесь. Там Жозефа уважали. Там они мыслят более современно, понимаете? Он преуспевал, у него было будущее…

— А у вас?

— У меня тоже. Он помогал мне, давал советы. Но однажды я словно обезумела… Я до сих пор не понимаю, что со мной произошло. Я не хотела. Я запрещала себе. Я клялась, что никогда не поступлю так. Но когда Шарль был рядом…

Она вновь покраснела и извиняющимся тоном пробормотала, словно оскорбила самого Мегрэ:

— Прошу прощения… Когда он был рядом, я не могла сопротивляться. Не думаю, что это была любовь, поскольку я люблю Жозефа и всегда его любила. Меня охватила какая-то лихорадка. Я больше ни о чем не думала, даже о нашем сыне,

который был совсем маленьким. Я бросила бы его, месье комиссар. Я действительно собиралась их обоих бросить, уехать куда-нибудь… Вы понимаете?

Мегрэ не решался ей сказать, что она, несомненно, никогда не испытывала сексуального наслаждения с мужем, что ее история была, по сути, банальной. Она чувствовала потребность верить в то, что это было невероятное приключение, потребность корить себя, раскаиваться, считать себя падшей женщиной.

— Вы католичка, мадам Гастен?

Мегрэ затронул другую неприятную тему.

— Я была католичкой, как и мои родители, до встречи с Жозефом. Но он верит только в науку и прогресс. Он ненавидит священников.

— Вы перестали ходить в церковь?

— Да.

— А с тех пор, как все это произошло, вы не вернулись в лоно церкви?

— Я не смогла. Мне казалось, что тем самым я еще сильнее его предам. Да и зачем? Первое время я думала, что здесь мы сможем начать новую жизнь. Люди смотрели на нас с недоверием, как во всех деревнях. Но я тем не менее была убеждена, что однажды они оценят моего мужа

по достоинству. Потом, я уж не знаю как, они проведали об истории, произошедшей в Курбевуа. Даже ученики перестали его уважать. Когда я вам говорю, что это моя вина…

— У вашего мужа были разногласия с Леони Бирар?

— Случалось… как без этого? Ведь он секретарь мэрии. Эта женщина все время создавала трудности. Тут возник вопрос о пособии, но Жозеф очень строг в таких вопросах. Он неукоснительно выполняет свои обязанности. Он отказался подписать сомнительные справки.

— Она знала, что с вами случилось?

— Как и все.

— И она вам, как и всем, показывала язык?

— И кричала вслед оскорбительные слова, когда я проходила мимо ее дома. Я избегала ходить этой дорогой. Она не только показывала мне язык. Иногда, когда она видела меня в окне, она поворачивалась задом и поднимала юбки. Прошу прощения… Мне казалось это невероятным, ведь она была старой женщиной. Но она вела себя именно так. Но Жозеф никогда не стал бы ее из-за этого убивать. Он никогда не убил бы. Вы же его видели. Он мягкий человек, который всегда хотел сделать окружающих счастливыми.

— Расскажите мне о своем сыне.

— Ну что вам сказать? Он так похож на своего отца. Он спокойный, усидчивый мальчик, развитый не по годам. Но он не первый ученик, потому что мой муж никогда не делает поблажек сыну. Жозеф намеренно ставит ему оценки ниже, чем он того заслуживает.

— И ребенок не возмущается?

— Он понимает. Мы объяснили ему, почему отец должен так поступать.

— Он знает, что произошло в Курбевуа?

— Мы с ним об этом никогда не говорили. Другие ученики, вероятно, знают. Он делает вид, что ни о чем не догадывается.

— Он общается с другими учениками?

— Вначале общался. Но вот уже два года, с тех пор как деревня открыто выступает против нас, он предпочитает оставаться дома. Он много читает. Я учу его играть на пианино. Он уже очень хорошо играет для своего возраста.

Окно было закрыто. Мегрэ стало душно. Он спрашивал себя: не оказался ли он случайно в каком-нибудь старом альбоме с фотографиями?

— Ваш муж пришел домой во вторник чуть позже десяти часов?

— Думаю, да. Мне столько раз задавали этот

вопрос в самых разных вариантах, словно хотели заставить меня начать противоречить самой себе, вынудить во всем сомневаться. Обычно во время перемены он заходит на кухню и подает мне чашку кофе. В этот момент я чаще всего нахожусь наверху.

— Он не пьет вина?

— Никогда. И не курит.

— Во вторник он приходил во время перемены?

— Он говорит, что нет. Я тоже говорю нет, поскольку он никогда не врет. Потом говорили, что он пришел позже.

— Вы это отрицаете?

— Я была в этом уверена, месье Мегрэ. Только потом я вспомнила, что нашла на кухонном столе грязную чашку. Я не знаю, было ли это во время перемены или после.

— Он мог зайти в сарай для инструментов так, что вы этого не видели?

— Окно комнаты наверху, где я в тот момент была, не выходит в огород.

— Вы могли видеть дом Леони Бирар?

— Если бы я посмотрела в ту сторону, то да.

— Вы слышали выстрел?

— Я ничего не слышала. Окно было закрыто. В

последнее время я постоянно мерзну. Но такой я была не всегда. Во время перемен я закрываю окна, даже летом. Во дворе становится слишком шумно.

— Вы сказали, что местные не любят вашего мужа. Мне хотелось бы уточнить. Кто-нибудь в деревне питает особую ненависть к нему?

— Да, разумеется. Помощник мэра.

— Тео?

— Да, Тео Кумар. Он живет как раз за нами. Наши палисадники разделяет общий забор. С самого утра он начинает пить белое вино в своем погребе, где всегда стоит открытая бочка. Часов в десять-одиннадцать он отправляется к Луи и пьет до самого вечера.

— Он ничего не делает?

— Его родители владеют крупной фермой. Он же никогда в жизни не работал. Однажды прошлой зимой, когда Жозеф был в Ла-Рошели вместе с Жан-Полем, он вошел в наш дом. Это было около половины пятого. Я наверху переодевалась и услышала тяжелые шаги по лестнице. Это был он, пьяный. Он открыл дверь и рассмеялся. Потом попытался опрокинуть меня на кровать, словно зашел в публичный дом. Я расцарапала ему лицо, нос. Из глубоких царапин полилась кровь. Он

принялся ругаться, кричать, что такая женщина, как я, не должна оказывать ему сопротивление. Я открыла окно и стала угрожать, что позову на помощь. Я была в комбинации. Наконец он ушел. Но я думаю, что он не стал продолжать, потому что у него все лицо было в крови. С тех пор он не разговаривает со мной… Именно Тео правит в деревне. Мэр, месье Рато, разводит мидий. Он все время занимается своими делами и приходит в мэрию только в дни заседания Совета. Тео назначает на должности по собственному усмотрению, оказывает разные услуги… Он всегда готов подписать любые документы.

— Не знаете ли, во вторник утром он действительно был в своем палисаднике, как утверждает?

— Если он это говорит, вероятно, так оно и было, поскольку другие люди должны были его видеть. Правда, если он попросит их солгать, они без колебаний это сделают.

— Вы не против, если я поговорю с вашим сыном?

Она покорно встала и открыла дверь.

— Жан-Поль! Спустись на минутку!

— Зачем? — раздался сверху голос.

— Комиссар Мегрэ хочет с тобой поговорить.

Послышались нерешительные шаги. Потом появился мальчик с книгой в руках. Он остановился на пороге, недоверчиво глядя на комиссара.

— Входи, мой мальчик. Надеюсь, ты не боишься меня?

— Я никого не боюсь.

Он говорил почти таким же глухим голосом, как и мать.

— Во вторник утром ты был в школе?

Он посмотрел на комиссара, потом на мать, словно спрашивая ее, должен ли он отвечать, пусть даже на такой невинный вопрос.

— Жан-Поль, ты можешь говорить. Комиссар на нашей стороне.

Казалось, она взглядом просила прощения у комиссара за такие слова. Тем не менее ребенок только кивнул головой.

— Что произошло после перемены?

Жан-Поль по-прежнему молчал. Мегрэ не спешил нарушить его молчание.

— Полагаю, тебе очень хочется, чтобы твой отец вышел из тюрьмы, а истинный виновник был арестован?

Было трудно сквозь толстые стекла очков разглядеть выражение глаз. Ребенок не отвел их. Он, напротив, смотрел своему собеседнику прямо в

лицо, но ни один мускул на его лице не дрогнул.

— На сегодняшний день, — продолжал комиссар, — я знаю лишь то, что мне рассказали люди. Небольшой факт, с виду неважный, может навести меня на след. Сколько учеников в школе?

— Отвечай, Жан-Поль.

Жан-Поль неохотно ответил.

— В общем тридцать два.

— Что значит «в общем»?

— Маленькие и большие. Все, кто записан…

Мать мальчика объяснила:

— Всегда есть те, кто отсутствует. Порой, особенно в страду, в школу приходит человек пятнадцать. Но мы же не можем каждый раз отправлять жандармов к родителям…

— У тебя есть приятели?

Мальчик проронил:

— Нет.

— Неужели у тебя нет ни одного друга среди деревенских детей?

И тогда мальчик с вызовом произнес:

— Я сын школьного учителя.

— Из-за этого они тебя не любят?

Мальчик ничего не ответил.

— Что ты делаешь во время перемен?

— Ничего.

— Ты не навещаешь маму?

— Нет.

— Почему?

— Потому что отец не хочет этого.

Мадам Гастен снова вмешалась, объясняя:

— Он не хочет проводить различия между сыном и другими. Если Жан-Поль будет ходить домой на переменах, то нет никаких причин, чтобы, например, сын полевого сторожа или сын мясника, которые живут через дорогу, не ходили на переменах домой.

— Понимаю… Ты помнишь, что во вторник делал твой отец во время перемены?

— Нет.

— Он не следит за учениками?

— Время от времени.

— Он стоит посередине двора?

— Иногда.

— Он входил в дом?

— Не знаю.

Мегрэ редко приходилось расспрашивать столь неразговорчивого свидетеля. Если бы перед ним был взрослый, вероятно, он рассердился бы. Мадам Гастен это чувствовала. Она встала около сына, чтобы защитить его, положила руку ему на плечо, словно подбадривая.

— Жан-Поль, отвечай комиссару вежливо.

— Я вежливо и отвечаю.

— В десять часов вы все вернулись в класс. Твой отец подошел к классной доске?

Сквозь занавески, висевшие на окнах, Мегрэ заметил в здании напротив черную доску, на которой мелом были написаны какие-то слова.

— Возможно.

— Это был урок чего?

— Грамматики.

— Кто-нибудь постучал в дверь?

— Возможно.

— Ты в этом не уверен? Ты не видел, чтобы твой отец выходил?

— Не знаю.

— Послушай меня. Когда учитель выходит из класса, обычно ученики вскакивают со своих мест, начинают разговаривать, баловаться…

Жан-Поль молчал.

— Что случилось во вторник?

— Не помню.

— Ты выходил из класса?

— Зачем?

— Например, ты мог пойти в уборную. Я вижу, она находится во дворе.

— Я не ходил туда.

— Кто-нибудь подходил к окнам?

— Не знаю.

Теперь Мегрэ стоял. Руки в карманах были сжаты в кулаки.

— Послушай меня…

— Я ничего не знаю. Я ничего не видел. Мне нечего вам сказать.

И вдруг мальчик выбежал из комнаты и помчался по лестнице. Они услышали, как наверху захлопнулась дверь.

— Не надо на него сердиться, месье комиссар. Поставьте себя на его место. Вчера лейтенант расспрашивал его в течение часа. Когда Жан-Поль вернулся, он, не сказав мне ни слова, лег в кровать. Он так и лежал до вечера с открытыми глазами.

— Он любит отца?

Она не поняла точный смысл вопроса.

— Я хочу сказать: привязан ли он к своему отцу? Восхищается ли им? Или, например, он отдает предпочтение вам? С кем он откровенничает: с вами или с отцом?

— Он ни с кем не откровенничает. Но, разумеется, он отдает предпочтение мне.

— Как он отреагировал, когда узнал, что в убийстве обвинили его отца?

— Он стал таким, каким вы его видите.

— Он плакал?

— Я никогда не видела, чтобы он плакал с тех пор, как перестал быть младенцем.

— Когда у вас появился карабин?

— Мы подарили его сыну на Рождество.

— Он часто им пользуется?

— Время от времени он один прогуливается с карабином в руках, как охотник. Но я думаю, что стреляет он редко. Два-три раза он вешал бумажную мишень на липу во дворе, но муж объяснил ему, что это наносит вред дереву.

— Полагаю, что во вторник, если бы ваш сын вышел из класса во время отсутствия отца, другие ученики заметили бы это?

— Разумеется.

— И они об этом сказали бы…

— Вы подумали, что Жан-Поль…

— Я обязан думать обо всём. Кто этот ученик, который утверждает, что видел вашего мужа выходящим из сарая?

— Марсель Селье.

— Это чей сын?

— Полевого сторожа. Но тот одновременно и жестянщик, и электрик, и слесарь. В случае необходимости он чинит крыши.

— Сколько лет этому Марселю Селье?

— Он ровесник Жан-Поля. У них разница в два-три месяца.

— Он хорошо учится?

— Они с моим Жан-Полем — лучшие ученики. Но чтобы не потворствовать Жан-Полю, мой муж всегда отдает первое место Марселю. Его отец — умный, работящий человек. Полагаю, они славные люди. Вы сердитесь на него?

— На кого?

— На Жан-Поля. Он грубо вел себя с вами. А я даже не предложила вам выпить. Может, вы что-нибудь хотите?

— Благодарю вас. Вероятно, лейтенант уже приехал, а я обещал встретиться с ним.

— Вы будете нам помогать?

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Потому что на вашем месте у меня опустились бы руки. Вы приехали к нам издалека, и то, что вы увидели здесь, выглядит не слишком обнадеживающим…

— Я сделаю всё, что в моих силах.

Мегрэ направился к двери. Он не хотел, чтобы она схватила его за руки и поцеловала их. А он чувствовал, что она вот-вот это сделает. Он торопился выйти на улицу, почувствовать,

как свежий воздух овевает его кожу, услышать другие звуки, непохожие на усталый голос жены учителя.

— Я, несомненно, приду к вам еще раз.

— Вы думаете, что он ни в чём не нуждается?

— Если он в чём-нибудь нуждается, я вам сообщу.

— Как вы думаете, он должен выбрать адвоката?

— Сейчас это необязательно.

Мегрэ шел по двору, не оборачиваясь. В это время стеклянная дверь школы распахнулась настежь, и на улицу выбежала стайка кричащих во всё горло ребятишек. Несколько учеников, заметив комиссара, остановились как вкопанные, поскольку, несомненно, от родителей знали, кто он такой, и принялись его разглядывать.

Дети были разных возрастов: шестилетние малыши, высокие мальчишки лет четырнадцати-пятнадцати, которые уже выглядели как юноши. Девочки собрались в углу двора, чтобы быть подальше от мальчиков.

Через открытые настежь двери коридора мэрии Мегрэ заметил машину жандармерии. Остановившись перед секретариатом, Мегрэ постучал. Раздался голос Даньелу:

— Войдите!

Лейтенант, без портупеи и в расстегнутом кителе, встал, чтобы пожать комиссару руку. Он расположился за столом Гастена, где лежали бумаги и печати мэрии. Мегрэ не сразу заметил толстую девицу с ребенком на руках, поскольку та сидела в темном углу.

— Садитесь, месье комиссар. Я буду в вашем распоряжении через минуту. На всякий случай я решил повторно вызвать свидетелей, чтобы еще раз подробно опросить их.

Несомненно, это было сделано из-за приезда комиссара в Сент-Андре.

— Сигару?

— Спасибо. Я курю только трубку.

— Я и забыл.

Сам лейтенант курил черные сигары, которые жевал, когда говорил.

— Вы позволите?

Обернувшись к девице, он спросил:

— Вы говорите, что она обещала оставить вам всё свое имущество, в том числе и дом?

— Да, она обещала.

— В присутствии свидетелей?

Похоже, девица не знала, что это означает. Да она вообще мало что знала. При взгляде на нее,

создавалось впечатление, что она деревенская дурочка.

Это была крупная, толстая девица, мужеподобная, одетая в черное платье с чужого плеча. В ее нечесаных волосах застряли несколько соломинок. От нее неприятно пахло. От ребенка тоже исходил крепкий запах мочи и фекалий.

— Когда она вам это обещала?

— Давно.

У нее были большие почти прозрачные голубые глаза. Она часто хмурила брови, пытаясь понять, что от нее хотят.

— Что вы называете «давно»? Год назад?

— Возможно, год.

— Два года?

— Возможно.

— Когда вы стали работать у Леони Бирар?

— Погодите… После того как я родила второго ребенка… Нет, третьего…

— Сколько ему лет?

Девица зашевелила губами, словно читала молитву. Она явно что-то подсчитывала в уме.

— Пять лет.

— Где он сейчас?

— Дома.

— Сколько детей осталось дома?

— Трое. Один со мной, а старший в школе.

— Кто за ними присматривает?

— Никто.

Мужчины переглянулись.

— Значит, вы работаете у Леони Бирар примерно пять лет. Она сразу пообещала оставить вам все свои деньги?

— Нет.

— Через два года? Через три?

— Да.

— Так, через два или через три?

— Не знаю.

— Она подписывала какие-нибудь бумаги?

— Не знаю.

— И вы также не знаете, почему она пообещала оставить всё вам?

— Чтобы разозлить свою племянницу. Она так мне сказала.

— Племянница навещала ее?

— Никогда.

— Племянница — это мадам Селье, жена полевого сторожа, не так ли?

— Да.

— Сам полевой сторож тоже никогда не приходил к ней?

— Нет, приходил.

— Они были в ссоре?

— Да.

— Зачем он приходил к ней?

— Он угрожал, что составит протокол, если она будет выкидывать мусор в окно.

— Они ругались?

— Они обзывали друг друга.

— Вы любили вашу хозяйку?

Девица уставилась на него своими круглыми глазами, словно ей никогда не приходила в голову мысль, могла ли она любить кого-нибудь.

— Не знаю.

— Она была добра к вам?

— Она отдавала мне остатки.

— Остатки чего?

— Еды. А еще старые платья.

— Она регулярно платила вам?

— Немного.

— Что вы имеете в виду, говоря «немного»?

— Половину того, что платили мне другие, когда я работала у них. А работать заставляла всю вторую половину дня. Тогда…

— Вы присутствовали при ее ссорах с другими?

— Почти при всех ссорах.

— Это происходило у нее дома?

— Она не выходила из дома, а кричала разные

вещи через окно.

— Какие вещи?

— О том, что они сделали, но не хотели бы, чтобы об этом знали другие.

— Таким образом, ее все ненавидели?

— Думаю, да.

— Кто-нибудь ненавидел ее особенно сильно, так, что мог убить?

— Конечно, ведь ее убили.

— Как вы думаете, кто это мог сделать?

— Я думала, что вы знаете.

— Почему?

— Потому что вы арестовали учителя.

— Вы думаете, что убийца — он?

— Не знаю.

— Позвольте мне задать вопрос, — вмешался Мегрэ, обращаясь к лейтенанту.

— Прошу вас.

— Тео, помощник мэра, он действительно отец одного или нескольких ваших детей?

Она нисколько не оскорбилась, просто задумалась.

— Возможно, да. Я не уверена.

— Он не ладил с Леони Бирар?

Девица вновь задумалась.

— Как и все другие.

— Он знал, что она собирается внести ваше имя в завещание?

— Я говорила ему об этом.

— И как он отреагировал?

Девица не поняла. Мегрэ задал вопрос иначе.

— Что он вам ответил?

— Он сказал, чтобы я потребовала от нее бумагу.

— И вы потребовали?

— Да.

— Когда?

— Давно.

— Она отказалась?

— Она сказала, что всё в порядке.

— Что вы сделали, когда нашли ее мертвой?

— Я закричала.

— Сразу?

— Как только увидела кровь. Сначала я подумала, что она потеряла сознание.

— Вы рылись в ящиках?

— Каких ящиках?

Мегрэ знаком показал лейтенанту, что у него больше нет вопросов. Лейтенант встал.

— Благодарю вас, Мария. Если вы мне понадобитесь, я вас вызову.

— Она подписала бумагу? — спросила девица,

остановившись на пороге с ребенком на руках.

— Пока мы ничего не нашли.

Тогда девица проворчала, поворачиваясь к ним спиной:

— Так и знала, что она меня обманет.

Они видели, как девица прошла мимо окна, недовольно разговаривая сама с собой.

4
Письма почтовой служащей

Лейтенант вздохнул, словно оправдываясь:

— Вот видите! Я делаю всё, что в моих силах.

Это было, разумеется, правдой. И сейчас он старался с особым рвением, поскольку за его расследованием наблюдал свидетель, важная особа из криминальной полиции, комиссар, который пользовался у него непререкаемым авторитетом.

Биография лейтенанта была довольно любопытной. Он принадлежал к семье, хорошо известной в Тулузе, и по настоянию родителей поступил в Политехническую школу, которую окончил в числе лучших учеников. Но вместо того чтобы записаться на военную службу или начать работать в промышленности, он выбрал жандармерию, для чего два года изучал право.

У лейтенанта была прелестная жена, тоже из хорошей семьи, и все считали, что они одна из самых приятных супружеских пар Ла-Рошели.

Лейтенант старался хорошо выглядеть даже в унылой обстановке мэрии, куда еще не проника-

ли солнечные лучи и где по контрасту со светлым двором было почти темно.

— Совсем не просто догадаться, о чём они думают, — заметил лейтенант, закуривая новую сигару.

В углу комнаты около стены стояли шесть карабинов калибра 22. Четыре из них были совершенно одинаковыми, а один — старого образца, с резным прикладом.

— Думаю, я все собрал. Если остались другие, мои люди найдут их сегодня утром.

С каминной полки лейтенант взял картонную коробку, напоминавшую аптечку, и вынул из нее деформированный кусок свинца.

— Я очень внимательно его осмотрел. Я прослушал курс баллистики, а у нас в Ла-Рошели нет эксперта. Речь идет о свинцовой пуле, которую часто называют мягкой. Она сплющивается, попав в цель, даже если это еловая доска. Таким образом, на ней бесполезно искать следы, которые можно обнаружить на других пулях и которые часто помогают нам установить, каким оружием пользовался преступник.

Мегрэ кивнул головой, показывая тем самым, что он понимает.

— Вам знакомы карабины 22 калибра, комис-

сар?

— Более или менее.

Вернее, менее, чем более, поскольку Мегрэ не мог припомнить ни одного убийства, совершенного в Париже при помощи этого вида оружия.

— Из них можно стрелять двумя видами пуль: короткими и длинными. У коротких пуль низкая дальнобойность, зато длинные, 22 калибра, могут попасть в цель, находящуюся на расстоянии более ста пятидесяти метров.

На мраморной с прожилками каминной доске лежала целая кучка кусочков свинца, штук двадцать.

— Вчера мы провели эксперимент, стреляя из разных карабинов. Пуля, убившая Леони Бирар, была длинной, 22 калибра, а ее вес соответствует весу других пуль.

— Гильзу нашли?

— Мои люди частым гребнем прочесали палисадники за домом. Они и сегодня будут искать. Вполне возможно, что стрелявший забрал гильзу. Я просто пытаюсь вам объяснить, что у нас очень мало материальных улик.

— Из всех этих ружей недавно стреляли?

— Да, относительно недавно. Точно сложно

сказать, поскольку мальчишки не чистят и не смазывают карабины после стрельбы. Полученный мною отчет судебного медика тоже не может нам существенно помочь, поскольку медик не в состоянии даже приблизительно определить, с какого расстояния был произведен выстрел. Может, с пятидесяти метров, а может, и со ста.

Мегрэ набивал трубку. Он стоял у окна, рассеянно слушая лейтенанта. Напротив, около церкви, он заметил мужчину с черными густыми волосами. Мужчина подковывал лошадь, которую за ногу держал молодой человек.

— Мы со следователем рассматривали разные гипотезы. Первой нам пришла в голову версия о несчастном случае, какой бы странной она ни была. Преступление представляется нам неправдоподобным. Ведь так мало шансов убить бывшую почтовую служащую пулей 22 калибра, что мы невольно себя спрашивали, не задела ли ее эта пуля случайно. Возможно, кто-то в палисаднике стрелял по воробьям, чем обычно занимаются мальчишки. Встречаются и более странные стечения обстоятельств. Вы понимаете, что я хочу сказать?

Мегрэ кивнул головой. У лейтенанта была по-

чти детская потребность искать его одобрения. Он был трогателен в своем стремлении показать, что очень старается.

— Мы у себя назвали это теорией обыкновенного несчастного случая. Если бы Леони Бирар умерла в иное время, или в выходной день, или в другом месте деревни, то, несомненно, мы остановились бы на этой версии, поскольку она самая правдоподобная. Только в тот час, когда старуха была убита, дети находились в классе.

— Все?

— Почти. Отсутствовали три-четыре ученика, в том числе одна девочка. Но они живут далеко отсюда, на фермах, и в то утро в деревне их никто не видел. Еще один ученик, сын мясника, уже около месяца не встает с кровати.

Тогда мы подумали о второй возможности, то есть о злом умысле.

Кто-то, любой сосед, повздоривший с Леони Бирар (а они все ругались с ней), кто-то, с кем она особо вызывающе себя вела, мог в порыве ярости выстрелить издалека, чтобы напугать ее или разбить стекла, даже не собираясь ее убивать.

Я еще не окончательно отказался от этой гипотезы, поскольку третья версия — об умышленном убийстве — предполагает, что стрелял перво-

классный стрелок. Если бы пуля попала в любое другое место, а не в глаз, то только ранила бы ее, да и то легко. Чтобы намеренно попасть в глаз, стреляя с определенного расстояния, надо быть превосходным стрелком.

Не забывайте, что убийство произошло средь бела дня рядом с тем местом, где мы сейчас находимся, в час, когда большинство женщин занимаются домашними делами. Вокруг дворы и палисадники. Стояла хорошая погода, большинство окон были открыты…

— Вы попытались определить, где каждый находился в четверть одиннадцатого?

— Вы же слышали, что говорила Мария Смелкер. Другие свидетельства ничуть не лучше. Люди отвечают неохотно. Когда они вдаются в детали, то начинают говорить так путано, что это только осложняет дело.

— Помощник мэра находился в своем палисаднике?

— Похоже, да. Все зависит от того, как определять время: по радио или по часам на церкви. Поскольку часы на колокольне спешат минут на пятнадцать-двадцать. Те, кто слушал радио, утверждают, что видели Тео на дороге около четверти одиннадцатого. Он направлялся в «При-

ятный уголок». В таверне же говорят, что он пришел после половины одиннадцатого. Жена мясника, которая развешивала белье, говорит, что видела, как он спустился в свой погреб, чтобы, как обычно, пропустить стаканчик.

— У него есть карабин?

— Нет. Только охотничья двустволка. Я говорю всё это, чтобы показать вам, как трудно получить достоверное свидетельство. Внимания заслуживает только свидетельство мальчишки.

— Сына полевого сторожа?

— Да.

— Почему он молчал в первый день?

— Я тоже задал ему такой вопрос. Ответ был правдоподобен. Вы, несомненно, знаете, что его отец, Жюльен Селье, женился на племяннице старухи?

— Я знаю также, что Леони Бирар объявила о своем намерении лишить племянницу наследства.

— Марсель Селье вбил себе в голову, что должен выгородить отца. И только вечером следующего дня заговорил с ним об этом. Тогда в четверг утром Жюльен Селье привел его к нам. Вы увидите их. Это симпатичные, открытые люди.

— Марсель видел, как учитель выходил из

сарая?

— Так он говорит. В классе дети были предоставлены самим себе. Большинство детей просто шалили. Марсель Селье, серьезный и спокойный ученик, подошел к окну и увидел, как учитель Жозеф Гастен выходит из сарая.

— А он видел, как Гастен входил в сарай?

— Нет, только как выходил. В этот момент, вероятно, прогремел выстрел. Тем не менее учитель продолжает отрицать, что в то утро входил в сарай. Или он врет, или мальчишка придумал эту историю. Но зачем?

— Действительно, зачем? — легкомысленно прошептал Мегрэ.

Комиссару хотелось выпить вина. Ему казалось, что сейчас самое время. Перемена закончилась. Две старые женщины с сумками для провизии прошли мимо, направляясь в сторону кооператива.

— Мне хотелось бы взглянуть на дом Леони Бирар, — сказал комиссар.

— Я пойду с вами. У меня есть ключ.

Ключ тоже лежал на каминной полке. Лейтенант положил его в карман, застегнул китель и надел фуражку. Ветер доносил запах моря, но все же не такой сильный, как хотелось бы Мегрэ. Они

направились к углу улицы, и около таверны Луи Помеля комиссар самым естественным образом спросил:

— А не выпить ли нам по стаканчику?

— Вы полагаете? — озадаченно пробормотал лейтенант.

Лейтенант явно принадлежал к тем людям, которые не привыкли вот так запросто пить вино в бистро или в таверне в середине рабочего дня. Приглашение смущало его, но он не знал, как отказаться.

— Я спрашиваю себя…

— Только по стаканчику белого вина.

Тео сидел в углу таверны, вытянув свои длинные ноги. На расстоянии протянутой руки от него стояли пол-литровая бутылка вина и стакан. Почтальон, у которого вместо левой руки был железный крюк, стоял перед ним. Они оба замолчали при виде Мегрэ и лейтенанта.

— Что желаете, господа? — услужливо спросил Луи Помель из-за стойки. Рукава его рубашки были закатаны.

— Бутылочку белого.

Даньелу, чувствовавший себя неловко, не знал, как себя вести. Возможно, из-за этого помощник мэра насмешливо смотрел на них обоих. Он был

крупным мужчиной, который когда-то был толстым. Когда он похудел, его кожа стала похожа на слишком широкую одежду в складках.

В его взгляде читалась насмешливая уверенность крестьянина, к которой примешивалась уверенность политика, привыкшего жульничать на муниципальных выборах.

— Ну как там этот каналья Гастен? — спросил Тео, ни к кому конкретно не обращаясь.

И тогда Мегрэ, сам не зная почему, ответил в том же тоне:

— Он ждет, когда другой займет его место.

Такой ответ шокировал лейтенанта. Почтальон же живо обернулся.

— Вы что-нибудь обнаружили? — спросил он.

— Вы знаете эту местность лучше остальных, ведь вам каждый день приходится обходить всю округу.

— Да уж, хожу немало! Еще недавно были люди, которые совсем не получали писем. Я помню фермы, куда я приходил только один раз в год, приносил календарь. Теперь все вокруг выписывают газеты, которые надо приносить на дом. К тому же многие подают заявки на получение пособий или пенсий. Если бы вы знали, какая это куча бумаги!..

И удрученно повторил:

— Бумаги! Бумаги!..

По его тону можно было подумать, что именно он заполняет эти бумаги.

— Сначала ветераны. Это я еще понимаю. Потом вдовы, получающие пенсии. Затем социальное страхование, пособия для многодетных семей. А еще пособия…

Почтальон повернулся к помощнику мэра:

— Вот видишь? Иногда я спрашиваю себя: остался ли в деревне хотя бы один человек, кто ничего не получает от правительства? И я уверен, что некоторые специально делают детей, чтобы получать пособия.

Держа в руке запотевший стакан, Мегрэ весело спросил:

— Вы полагаете, что пособия имеют какое-то отношение к смерти Леони Бирар?

— Кто их знает…

Это, несомненно, было его навязчивой идеей. Он, конечно же, тоже получал пенсию, поскольку у него не было руки. Правительство платило ему. И его бесило, что другие получают деньги наравне с ним. Словом, он ревновал.

— Луи, дай-ка мне бутылочку.

Глаза Тео по-прежнему смеялись. Мегрэ пил

вино небольшими глотками. Всё происходило почти так, как он представлял себе, задумав эту поездку на море. Белое вино ни цветом, ни даже вкусом не отличалось от воздуха. На площади две курицы клевали твердую землю, где никак не могли найти червяков. На кухне Тереза чистила лук, время от времени вытирая глаза краешком фартука.

— Ну, пойдем?

Даньелу, лишь смочивший губы в вине, с облегчением последовал за комиссаром.

— А вам не кажется, что эти крестьяне посмеивались над нами? — тихо спросил лейтенант, когда они вышли на улицу.

— Ну и черт с ними!

— Можно подумать, что вас это забавляет!

Мегрэ ничего не ответил. Он начал понемногу осваиваться в деревне и больше не жалел, что покинул набережную Орфевр. Утром он не позвонил жене, как обещал. Он даже не заметил здания почты. Он потом подумает об этом.

Они шли мимо галантерейной лавки, за окном которой комиссар увидел такую старую и такую сухопарую женщину, что невольно возникал вопрос, как она до сих пор не рассыпалась.

— Кто это?

— Их две, примерно одинакового возраста. Это барышни Тевенар.

В родной деревне Мегрэ галантерейную лавку тоже держали две старые девы. Можно было подумать, что жители деревень Франции подражали друг другу. Прошло много лет. На дорогах появились скоростные автомобили, автобусы и грузовички. С улиц пропали повозки. Почти везде работали кинотеатры. Было изобретено радио и много других полезных вещей. И всё же Мегрэ видел здесь персонажей из своего детства, застывших в своих позах, словно на эпинальских картинках.[2]

— Вот ее дом.

Дом был довольно старым. Он остался единственным на улице, который не белили уже много лет. Лейтенант вставил большой ключ в замочную скважину зеленой двери, потом толкнул дверь плечом, и им тут же в нос ударил приторно-сладкий запах, точно такой же, какой, вероятно, царил у двух старых дев, живших по соседству; запах, которым пропитаны все те места, где старые люди живут как затворники.

---

[2] Примечания: 2

Эпинальские картинки — гравюры на дереве с познавательными и развлекательными сюжетами, аналог русских лубочных картинок, распространяемые лоточниками-книгоношами. — *Прим. пер.*

Первая комната была немного похожа на ту, где принимала комиссара мадам Гастен, с той лишь разницей, что дубовая мебель была менее навощена, кресла были более потертыми, а камин украшала большая медная решетка. В углу стояла кровать, которую, вероятно, принесли из другой комнаты. Постель была разобрана.

— Спальни наверху, — объяснил лейтенант. — Вот уже несколько лет Леони Бирар не хотела подниматься по лестнице. Она жила на первом этаже, спала здесь же. Мы ничего не переставляли.

За приоткрытой дверью находилась довольно просторная кухня с каменным очагом, рядом с которым стояла плита, топившаяся углем. Все вокруг было грязным. Под плитой на полу виднелись рыжеватые круги, оставшиеся от кастрюль. Стены были покрыты жирными пятнами. В кресле, стоящем около окна, старая женщина, вероятно, проводила бóльшую часть дня.

Мегрэ понял, почему Леони Бирар предпочитала находиться здесь, а не в передней комнате. По дороге, ведущей к морю, мало кто ходил, а вот сзади, как и из дома учителя, можно было видеть самые оживленные места, дворы и палисадники, в том числе и школьный двор.

Обстановка была почти интимной. Сидя в своем кресле, Леони Бирар принимала участие в повседневной жизни десятка семейств. А если у нее было хорошее зрение, то она могла знать и кто что ел.

— Излишним будет вам говорить, что контур, обведенный мелом, означает то место, где ее нашли. Пятно, которое вы видите…

— Понимаю.

— Крови вытекло не так много.

— Где сейчас Леони Бирар?

— Ее перевезли в морг Ла-Рошели, там сделали вскрытие. Похороны состоятся завтра утром.

— Известно, кто наследует ей?

— Я везде искал завещание. Я позвонил одному деловому человеку, поверенному в делах из Ла-Рошели. Она часто говорила ему о завещании, но так и не составила его в присутствии поверенного. У него хранятся ее ценные бумаги, облигации, акт о собственности на дом, где мы сейчас с вами находимся, и на еще один дом, расположенный в двух километрах отсюда.

— Таким образом, если никто не объявится, то ее племянница наследует всё?

— Я так думаю.

— Что она об этом говорит?

— Похоже, она ни на что не рассчитывает. Селье не бедствуют. Они, конечно, не богачи, но у них неплохое дело. Вы увидите их. Я не умею распознавать людей. Но Селье кажутся мне честными, порядочными, работящими людьми.

Мегрэ принялся открывать и закрывать ящики. Он обнаружил ржавую кухонную утварь, всякий хлам, старые пуговицы, гвозди, счета, валявшиеся вперемешку с катушками без ниток, чулками и шпильками.

Мегрэ вернулся в первую комнату, где стоял старинный комод, имевший определенную ценность, и тоже принялся открывать ящики.

— Вы изучили эти бумаги?

Лейтенант слегка покраснел, словно его застигли врасплох или уличили в чем-то предосудительном.

Он выглядел точно так же, как в бистро Луи Помеля, когда был вынужден взять стакан белого вина, который протянул ему Мегрэ.

— Это письма.

— Я вижу.

— Они написаны более десяти лет назад, в то время, когда она была еще начальницей почтового отделения.

— Насколько я могу судить, эти письма не ей

были адресованы.

— Совершенно верно. Разумеется, я подошью эти письма к делу. Я говорил о них следователю. Я не могу делать все одновременно.

Все письма лежали в конвертах, на которых были написаны разные имена: Эварист Корню, Огюстен Корню, Жюль Маршандон, Селестен Маршандон, Теодор Кумар, другие имена, в том числе женщин, например сестер Тевенар — барышень, державших галантерейную лавку.

— Если я правильно понимаю, в то время, когда Леони Бирар была начальницей почтового отделения, она далеко не всю корреспонденцию отдавала адресатам.

Мегрэ пробежал глазами несколько строк:

Дорогая мама!

Пишу тебе, чтобы сообщить, что чувствую себя хорошо. Надеюсь, ты тоже здорова. Я довольна своими новыми хозяевами, кроме деда, который живет с ними. Он все время кашляет и плюет на пол…

В другом письме говорилось:

На улице я встретила кузена Жюля. Увидев меня, он смутился. Он был совершенно пьяным. Сначала я даже подумала, что он меня не узнал.

Разумеется, Леони Бирар не вскрывала все письма. Создавалось впечатление, что она интересовалась определенными семьями, в частности, семьями Корню и Рато, представителей которых было много в этом краю, больше, чем других.

На многих конвертах сохранились марки Сената. Они были подписаны известным политическим деятелем, умершим два года назад.

Дорогой друг!

Я получил Ваше письмо относительно бури, которая опустошила Ваши садки и унесла в море более двухсот столбиков. Я готов сделать все необходимое, чтобы средства, выделенные для жертв национальных стихийных бедствий…

— Я навел справки, — объяснил лейтенант. — Эти садки сделаны из еловых кольев, вбитых в дно и связанных между собой фашинами. Там размещают молодых устриц, чтобы они росли. При каждом более или менее сильном отливе часть столбиков уносит в море. Они стоят дорого, поскольку их привозят издалека.

— Таким вот образом некоторые жулики заставляют правительство выплачивать им компенсацию из средств, выделенных на устра-

нение последствий национальных стихийных бедствий!

— Сенатор пользовался широкой популярностью, — нерешительно сказал Даньелу. — Он никогда не испытывал трудностей при переизбрании на новый срок.

— Вы читали все письма?

— Я только пробежал их.

— Они навели вас на какую-нибудь мысль?

— Они объяснили мне, почему вся деревня ненавидела мамашу Бирар. Она слишком много знала о каждом. Вероятно, она сумела выведать всю подноготную. Тем не менее я не нашел ничего серьезного, по крайней мере, достаточного для того, чтобы кто-нибудь по прошествии десяти лет решил убить ее, выстрелив в голову. Большинство тех, кому были адресованы письма, умерли, а их детей нисколько не заботят события, происходившие в далеком прошлом.

— Вы возьмете эти письма?

— Сейчас в этом нет необходимости. Я могу оставить вам ключ от дома. Хотите подняться на второй этаж?

Для очистки совести Мегрэ поднялся. Обе комнаты были загромождены всяким хламом и сломанной мебелью. Ничего нового это ему не

открыло.

Выйдя на улицу, комиссар взял ключ, протянутый ему лейтенантом.

— Что вы собираетесь делать?

— В котором часу заканчиваются уроки?

— Утренние — в половине двенадцатого. Ученики, живущие поблизости, отправляются по домам, чтобы пообедать. Те, кто живет на фермах и на берегу моря, едят в школе принесенные с собой бутерброды. Уроки возобновляются в половине второго и заканчиваются в четыре часа.

Мегрэ вынул из кармана часы. Было десять минут двенадцатого.

— Вы остаетесь в деревне?

— Мне надо встретиться со следователем, который сегодня утром допрашивал учителя. Но во второй половине дня я вернусь.

— До скорого.

Мегрэ пожал лейтенанту руку. Комиссару хотелось выпить стаканчик белого вина до окончания уроков. Какое-то время он стоял на солнце, глядя на лейтенанта, удаляющегося легким шагом, словно сбросив с плеч тяжелую ношу.

Тео по-прежнему был у Луи. В противоположном углу сидел старик чуть ли не в лохмотьях, седой, всклокоченный, похожий на клошара.

Наливая себе стакан дрожащей рукой, он равнодушно взглянул на Мегрэ.

— Бутылочку? — спросил Луи.

— Такую же самую.

— А у меня только такие и есть. Полагаю, вы будете обедать? Тереза сейчас жарит кролика. Потом вы мне скажете, пришелся ли он вам по вкусу.

В зал вышла служанка.

— Месье Мегрэ, вы любите кролика в белом вине?

Она вышла только для того, чтобы увидеть его, бросить на него заговорщический взгляд, в котором сквозила признательность. Он не выдал ее. И она, почувствовав облегчение, стала почти красивой.

— Иди на кухню, — сказал ей Луи.

Рядом остановился грузовичок. В таверну вошел мужчина, одетый как мясник. В отличие от большинства мясников, он был худым и выглядел болезненным из-за свернутого носа и гнилых зубов.

— Перно́, Луи.

Мужчина обернулся к Тео, который блаженно улыбался.

— Эй, ты! Привет, старый разбойник!

Помощник мэра вяло помахал рукой.

— Не слишком устал? Как только подумаю, что есть такие бездельники, как ты…

Потом он обратился к Мегрэ.

— Так это вы, похоже, приехали сюда, чтобы раскрыть все тайны?

— Стараюсь!

— Вам придется хорошо постараться! Если вам удастся что-нибудь разыскать, то заслужите орден.

Его усы были мокрыми от вина.

— Как твой сын? — спросил Тео, который сидел, развалившись, лениво вытянув ноги.

— Доктор утверждает, что он уже должен ходить. Легко сказать! Как только я его ставлю на ноги, он падает. Доктора в этом ничего не смыслят. Как и помощники мэров!

Казалось, мужчина шутил, но в его голосе чувствовалась горечь.

— Ты уже закончил?

— Мне осталось съездить в Барраж.

Мужчина заказал второй стакан, залпом выпил его, вытер усы и сказал Луи:

— Запиши на мой счет.

Потом он повернулся к комиссару:

— Желаю вам повеселиться!

Проходя мимо Тео, он нарочно задел его за ноги.

— Пока, негодяй!

Было слышно, как он заводит мотор. Потом его грузовичок развернулся на площади.

— Его отец и мать умерли от туберкулеза, — объяснил Луи. — Сестра сейчас находится в санатории. Еще у него есть брат, но он в психушке.

— А он сам?

— Он вертится, как может. Продает мясо в окрестных деревнях. Он попытался открыть мясную лавку в Ла-Рошели, но только потратил на нее все деньги, которые скопил.

— Сколько у него детей?

— Сын и дочь. Двое других умерли в младенчестве. Месяц назад сына сбил мотоциклет. С тех пор он лежит в гипсе. Дочь — ей семь лет — должна сейчас быть в школе. Когда он закончит свой объезд, он выпьет полубутылку перно́.[3]

— Это тебя забавляет? — раздался насмешливый голос Тео.

— Что меня забавляет?

— Рассказывать все это.

---

[3] Примечания: 3

Полубутылка — емкость объемом около 0,370 л. — *Прим. пер.*

— Я ни о ком не сказал ни одного плохого слова.

— А хочешь, я расскажу о твоих делишках?

Казалось, Луи испугался. Он достал из-под прилавка полную бутылку и поставил ее на стол.

— Ты прекрасно знаешь, что рассказывать не о чем. Надо же как-то поддерживать разговор, не так ли?

Казалось, Тео ликовал. Его губы не расплылись в улыбке, но в глазах сверкали насмешливые искорки. Мегрэ не мог отделаться от мысли, что сейчас Тео напоминает отставного старого фавна. Вот он, в центре деревни, словно лукавый бог, который знает обо всем, что происходит между стен домов и в головах людей, и в одиночестве наслаждается спектаклем, разыгравшемся перед ним.

На Мегрэ он смотрел не как на врага, а, скорее, как на равного себе.

Казалось, он ему говорил: «Вы очень хитрый человек. Вы считаетесь асом в своем ремесле. В Париже вы обнаруживаете всё, что от вас хотят скрыть. Но только я другой. И здесь всё знаю только я. Попытайтесь! Ведите свою игру! Расспрашивайте людей. Вытяните из них правду. Посмотрим, что у вас получится!»

Тео спал с Марией, неопрятной, некрасивой

женщиной. Он попытался переспать с мадам Гастен, утратившей всякую привлекательность. Он пил с утра до вечера, но никогда не был в стельку пьяным. Он жил в своем мире, который, вероятно, был забавным, поскольку это вызывало у него улыбку.

Старуха Бирар тоже знала о маленьких тайнах деревни. Но эти тайны разъедали ее, отравляли, как яд, который ей приходилось выплевывать наружу тем или иным образом.

Он же смотрел на них, посмеиваясь. А когда кому-нибудь требовалась справка для получения пособия, что так сильно раздражало почтальона, он, не раздумывая, выписывал ее и скреплял одной из печатей мэрии, которые постоянно таскал с собой в кармане мятых штанов.

Он не воспринимал их всерьез.

— Еще вина, комиссар?

— Не сейчас.

Мегрэ услышал детские голоса, доносившиеся со стороны школьного двора. Из школы выходили ученики, отправлявшиеся обедать домой. Он увидел, как по площади бегут двое-трое ребятишек.

— Я вернусь через полчаса.

— К тому времени кролик уже будет готов.

— Устриц по-прежнему нет?

— Нет.

Засунув руки в карманы, Мегрэ направился к лавке Селье. Перед ним туда вошел мальчик, пробиравшийся между ведер, леек, опрыскивателей, стоявших на полу и свисавших с потолка. В пыльном свете повсюду виднелась хозяйственная утварь.

Послышался женский голос:

— Что вам угодно?

Комиссару пришлось вглядываться в полутьму, чтобы различить довольно молодое лицо и светлый передник в синюю клетку.

— Ваш муж дома?

— Он сзади, в мастерской.

Мальчик вбежал на кухню и стал мыть руки.

— Проходите сюда, пожалуйста. Сейчас я его позову.

Она не знала, кто он такой, и не выглядела испуганной. На кухне, где в основном проходила жизнь дома, она пододвинула комиссару стул с соломенным сиденьем, а потом открыла дверь, ведущую во двор.

— Жюльен!.. К тебе пришли!..

Мальчик вытирал руки, с любопытством глядя на Мегрэ. И он тоже будил у комиссара детские воспоминания. В его классе, как и во всех классах,

всегда был мальчик, толще других, такой же простодушный и прилежный, как этот, с такой же светлой кожей, с такими же движениями хорошо воспитанного ребенка.

Мать мальчика не была толстой, но отец, появившийся через несколько минут, весил более ста килограммов. Он был очень высоким, очень широким, с почти кукольным лицом и наивными глазами.

Прежде чем войти, он вытер ноги о половичок. На круглом столе уже стояли три прибора.

— Вы позволите? — спросил он, направляясь к рукомойнику.

Чувствовалось, что здесь соблюдаются ритуалы, что каждый член семьи совершает определенные движения в определенное время.

— Вы собирались обедать?

Женщина ответила:

— Чуть позже. Обед еще не готов.

— По правде говоря, мне хотелось бы переговорить с вашим сыном.

Отец и мать посмотрели на мальчика без всякого удивления или беспокойства.

— Слышишь, Марсель? — спросил отец.

— Да, папа.

— Отвечай на вопросы комиссара.

— Да, папа.

Повернувшись к Мегрэ, глядя ему прямо в глаза, мальчик встал в позу ученика, готового отвечать учителю.

5
Марсель лжет

В тот момент, когда Мегрэ раскуривал трубку, произошел некий бессловесный церемониал, который сильнее, чем всё, что видел комиссар накануне в Сент-Андре, напомнил ему о деревне, где он провел детство. Он словно на мгновение увидел одну из своих теток в переднике в синюю клетку, с волосами, собранными в высокий пучок, как у мадам Селье.

Мадам Селье просто посмотрела на мужа, чуть расширив глаза, и большой Жюльен сразу понял послание. Он направился к двери, ведущей во двор, и исчез за ней. Что касается женщины, то она, не дожидаясь возвращения мужа, открыла створки буфета, вытащила два стакана, которые подавали только в том случае, если в дом приходили гости, и чистой салфеткой протерла их.

Жестянщик вернулся с закупоренной бутылкой вина. Он ничего не сказал. Все молчали. Кто-нибудь, пришедший издалека или прилетевший с другой планеты, решил бы, что здесь совершается какой-то магический ритуал. Пробка с шумом

вышла из горлышка, и золотистое вино с характерным бульканьем полилось в стаканы.

Немного оробевший Жюльен Селье взял свой стакан, посмотрел сквозь него на свет, а потом произнес:

— Ваше здоровье.

— Ваше здоровье, — откликнулся Мегрэ.

Потом мужчина ушел в темную часть кухни, а его жена вернулась к плите.

— Скажи мне, Марсель, — начал комиссар, обращаясь к мальчику, который стоял не шелохнувшись, — полагаю, ты никогда не врал?

Если мальчик и колебался, то всего лишь одну секунду, быстро взглянув на мать.

— Врал, месье.

И поспешил добавить:

— Но я всегда исповедовался.

— Ты хочешь сказать, что потом ты шел на исповедь?

— Да, месье.

— Сразу же?

— Как можно скорее, поскольку мне не хотелось бы умереть во грехе.

— Вероятно, это была невинная ложь?

— Довольно невинная.

— Тебя не затруднит привести мне какой-ни-

будь пример?

— Однажды я разорвал брюки, забираясь на дерево. Вернувшись домой, я сказал, что зацепился за гвоздь, играя в саду Жозефа.

— Ты пошел исповедоваться в тот же день?

— Нет, на следующий.

— А когда ты сказал правду родителям?

— Только через неделю. В другой раз я упал в болото, ловя лягушек. Родители запрещают мне играть около болота, потому что я часто простужаюсь. Моя одежда намокла. Я сказал, что меня толкнули, когда я переходил через небольшой мостик над ручьем.

— И ты опять ждал неделю, чтобы сказать правду?

— Только два дня.

— И ты часто врешь?

— Нет, месье.

— Один раз за сколько дней?

Мальчик немного подумал, как на устном экзамене.

— Реже даже, чем раз в месяц.

— Твои друзья тоже врут?

— Не все. Но некоторые врут.

— Они потом исповедуются, как и ты?

— Не знаю. Наверное, исповедуются.

— Ты дружишь с сыном учителя?

— Нет, месье.

— Ты не играешь с ним?

— Он ни с кем не играет.

— Почему?

— Может, потому что не любит играть. Или потому что его отец — школьный учитель. Я пытался с ним подружиться.

— Ты не любишь месье Гастена?

— Он несправедливый.

— В чем же это проявляется?

— Он всегда ставит мне лучшие отметки, даже когда их заслуживает его сын. Конечно, я хочу быть первым в классе, но только когда этого заслуживаю, а не иначе.

— Как ты думаешь, почему он так поступает?

— Не знаю. Возможно, он боится.

— Боится? Чего же?

Мальчик попытался найти ответ. Он, несомненно, чувствовал, что именно хочет сказать, но понимал, что это сложно, и не находил нужных слов. И он просто повторил:

— Не знаю.

— Ты хорошо помнишь, что происходило утром во вторник?

— Да, месье.

— Что ты делал во время перемены?

— Я играл с другими.

— Что произошло после того, как вы вернулись в класс?

— Папаша Пьебёф из Гро-Шен постучал в дверь, и месье Гастен направился с ним в мэрию, сказав, чтобы мы сидели спокойно.

— Такое часто случается?

— Да, месье. Довольно часто.

— И вы спокойно сидели?

— Не все.

— А ты? Ты спокойно сидел?

— Бóльшую часть времени.

— Когда учитель выходил в предпоследний раз?

— Накануне, в понедельник, во время похорон. Кто-то пришел, чтобы подписать бумаги.

— Что ты делал во вторник?

— Сначала я сидел на своем месте.

— Твои приятели начали баловаться?

— Да, месье. Большинство.

— А что именно они делали?

— Они пихались для смеха, бросали друг другу в голову ластики, карандаши…

— Потом?

Если мальчик и колебался, прежде чем отве-

тить, то не потому что испытывал затруднения, а потому что старался найти как можно более точный ответ.

— Я подошел к окну.

— К какому окну?

— К тому, из которого видны дворы и огороды. Я всегда смотрю в него.

— Почему?

— Не знаю. Возможно потому, что оно ближе остальных к моей скамье.

— А ты подошел к окну не потому, что услышал выстрел?

— Нет, месье.

— А если бы на улице прозвучал выстрел, ты услышал бы?

— Возможно, нет. Мальчишки очень громко шумели. К тому же кузнец подковывал лошадь.

— У тебя есть карабин 22 калибра?

— Да, месье. Я, как и другие, отнес его вчера вечером в мэрию. Всех, у кого есть карабины, попросили отнести их в мэрию.

— В тот день во время отсутствия учителя ты выходил из класса?

— Нет, месье.

Мегрэ говорил спокойно, одобряюще. Мадам Селье, чтобы не мешать, ушла в лавку прибраться

там, а ее муж, держа стакан в руке, удовлетворенно смотрел на Марселя.

— Ты видел, как учитель шел по двору?

— Да, месье.

— Ты видел, что он направляется к сараю?

— Нет, месье. Он возвращался.

— Ты видел, как он выходил из сарая?

— Я видел, как он закрывал дверь. Потом он пошел по двору, а я крикнул другим: «Внимание!» Все сели на свои места. Я тоже.

— Ты часто играешь со своими приятелями?

— Нет, не часто.

— Ты не любишь играть?

— Я слишком толстый.

Произнося эти слова, мальчик покраснел и взглянул на отца, словно просил у него прощения.

— У тебя нет друзей?

— Я дружу в основном с Жозефом.

— Кто такой Жозеф?

— Сын Рато.

— Сын мэра?

Жюльен Селье вмешался.

— В Сент-Андре и в окрестностях, — объяснил он, — много Рато. Все они в той или иной степени родственники. Жозеф — это сын Марселена Рато,

мясника.

Мегрэ отпил немного вина и вновь раскурил трубку, которая успела погаснуть.

— Жозеф стоял рядом с тобой у окна?

— Жозефа не было в школе. Он уже целый месяц лежит дома из-за несчастного случая.

— Это его сбил мотоциклет?

— Да, месье.

— Ты был с ним, когда это случилось?

— Да, месье.

— Ты часто навещаешь его?

— Почти каждый день.

— Ты навещал его вчера?

— Нет.

— Позавчера?

— Тоже нет.

— Почему?

— Из-за всего, что случилось. Мы заняты только преступлением.

— Полагаю, ты не осмелился бы солгать лейтенанту жандармерии?

— Нет, месье.

— Ты доволен, что учителя посадили в тюрьму?

— Нет, месье.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что он там на-

ходится из-за твоих показаний?

— Я не понимаю, что вы этим хотите сказать.

— Если бы ты не сказал, что видел, как он выходит из сарая, возможно, учителя не арестовали бы.

Мальчик явно попал в затруднительное положение. Он ничего не говорил, переминаясь с ноги на ногу, и снова взглянул на отца.

— Если ты действительно его видел, то у тебя есть веские причины, чтобы говорить правду.

— Я говорю правду.

— Ты не любил Леони Бирар?

— Нет, месье.

— Почему?

— Потому что она выкрикивала нехорошие слова, когда я проходил мимо.

— Тебе чаще, чем другим?

— Да, месье.

— А ты знаешь, почему?

— Потому что она злится на маму за то, что та вышла замуж за папу.

Мегрэ прикрыл глаза, ища следующий вопрос, но не нашел и поэтому молча допил вино. Он довольно грузно поднялся, поскольку с утра уже выпил несколько стаканов.

— Спасибо, Марсель. Если ты захочешь что-

нибудь мне сказать, например, вспомнишь какую-либо деталь, о которой сейчас забыл, сразу же приходи ко мне. Ты меня не боишься?

— Нет, месье.

— Еще стаканчик? — спросил отец, протягивая руку к бутылке.

— Нет, спасибо. Я не хочу задерживать вас с обедом. Ваш сын — очень умный мальчик, месье Селье.

От удовольствия жестянщик покраснел.

— Мы стараемся его хорошо воспитывать. Не думаю, что ему часто приходится врать.

— Кстати, когда он вам сказал, что учитель заходил в сарай?

— Вечером в среду.

— И он ничего не сказал вам об этом во вторник, когда вся деревня обсуждала смерть Леони Бирар?

— Нет. Думаю, эта смерть на него сильно подействовала. В среду за обедом я заметил, что он какой-то странный. И вдруг он выпалил: «Папа, думаю, что я кое-что видел». Он мне обо всем рассказал, и я заставил его повторить свой рассказ лейтенанту жандармерии.

— Благодарю вас.

Что-то смущало Мегрэ, но он не знал, что имен-

но. Выйдя на улицу, он сразу же направился в «Приятный уголок», где увидел молодого учителя, заменявшего Гастена. Он обедал около окна и одновременно читал книгу. Тут комиссар вспомнил, что обещал жене позвонить, и пошел на почту, которая находилась в другом квартале. Там он увидел молодую женщину лет двадцати пяти в черном халате.

— Долго придется ждать Париж?

— В это время — нет, месье Мегрэ.

Ожидая, когда его соединят, комиссар наблюдал за молодой женщиной, что-то писавшей, спрашивал себя: замужем ли она? А если нет, то выйдет ли замуж или станет похожей на старуху Бирар?

Мегрэ пробыл в телефонной кабине минут пять, и всё, что услышала работница почты через дверь, сводилось к следующему:

— Нет, устриц нет… Потому что их нет… Нет… Погода отменная… Вовсе не холодно…

Потом Мегрэ решил пообедать. Молодой учитель по-прежнему был в таверне, и Мегрэ сел за столик напротив. Вся деревня уже знала, что он комиссар полиции из Парижа. На улице с ним не здоровались, но его провожали глазами, а как только он отходил на достаточное расстояние,

начинали о нем судачить. Молодой учитель три-четыре раза заглядывал в начало книги. Когда он уходил, то на мгновение заколебался. Возможно, он хотел что-то сказать? Мегрэ не был в этом уверен. Как бы там ни было, проходя мимо, молодой учитель кивнул ему головой. Правда, это могло быть непроизвольным движением.

Поверх черного платья Тереза повязала чистый белый фартук. Луи обедал на кухне и изредка звал служанку. Поев, он подошел к Мегрэ. Губы его лоснились от жира.

— Ну, что вы скажете о кролике?

— Превосходно.

— Стаканчик водки из виноградных выжимок, чтобы он лучше усвоился? Я угощаю.

Луи покровительственно относился к комиссару, словно без его помощи тот затерялся бы в джунглях Сент-Андре.

— Тот еще тип! — проворчал он, садясь и при этом расставляя ноги из-за выпирающего живота.

— Кто?

— Тео. Не знаю большего проходимца, чем он. Живет припеваючи, ничего не делает.

— Вы полагаете, что больше никто не слышал выстрела?

— Во-первых, в деревне никогда не обращают внимания на выстрел из карабина. Вот если бы выстрелили из охотничьего ружья, то все заметили бы. Во-вторых, карабины стреляют не слишком громко, а мы все так привыкли к выстрелам, с тех пор как мальчишки…

— Тео был в своем палисаднике. Мог он ничего не видеть?

— В своем палисаднике или в погребе, поскольку для него гулять в палисаднике означает пить вино из бочки. Да даже если он что-то видел, он, вероятно, ничего не скажет.

— Даже если он видел стрелявшего человека?

— Тем более не скажет.

Луи был доволен собой, разливая водку в маленькие стаканчики.

— Я предупреждал вас, что вы ничего не поймете.

— Вы полагаете, что учитель хотел убить старуху?

— А вы?

Мегрэ ответил тоном, не терпящим возражений:

— Нет.

Луи, посмеиваясь, посмотрел на комиссара, словно хотел сказать: «Я тем более не верю».

Но вслух Луи ничего не сказал. Возможно, они оба отяжелели от всего съеденного и выпитого. Они немного помолчали, глядя на площадь, разделенную надвое солнечными лучами, на темные витрины кооператива, на каменный портик церкви.

— Что за человек ваш кюре? — спросил Мегрэ, чтобы продолжить разговор.

— Кюре — это кюре…

— Он за учителя?

— Против.

Мегрэ в конце концов встал, минутку нерешительно постоял в центре зала, потом сделал выбор в пользу отдыха и направился к лестнице.

— Разбуди меня через час, — сказал он Терезе.

Мегрэ не должен был обращаться к Терезе на «ты». В уголовной полиции привыкли так обращаться к девицам определенного поведения, и это не ускользнуло от Луи, который нахмурился. Зеленые ставни на окнах были закрыты. Сквозь них в комнату проникали лишь редкие лучи солнца. Мегрэ не стал раздеваться, только снял пиджак и туфли и лег на кровать, не расстилая ее.

Чуть позже, слегка задремав, он услышал ровный шум моря. Но разве такое возможно? Тут он

заснул и проснулся только тогда, когда в дверь постучали.

— Час уже прошел, месье Мегрэ. Хотите чашечку кофе?

Мегрэ чувствовал себя отяжелевшим, каким-то одурманенным. Он даже еще не решил, что будет делать. Спустившись вниз, он увидел, что в зале четверо мужчин играют в карты, в том числе Тео и Марселен, мясник, так и не снявший рабочей одежды.

У Мегрэ сложилось впечатление, что какой-то детали не хватает, но он не мог понять, какой именно. Впервые это впечатление появилось во время разговора с юным Селье. Но в какой момент разговора?

Мегрэ решил пройтись. Сначала он направился к дому Леони Бирар, ключ от которого лежал у него в кармане. Он вошел в переднюю комнату, сел и прочитал все письма, которые нашел утром. Ничего важного он не узнал, только установил новые фамилии: Дюбары, Корню, Жийе, Рато, Бонкёры.

Покидая дом, Мегрэ намеревался дойти до моря, но через несколько метров заметил кладбище. Он пошел на кладбище и начал читать фамилии на могильных плитах, почти те же самые, что и

в письмах.

Мегрэ мог бы восстановить историю семей, с уверенностью сказать, что семья Рато была связана с семьей Дюбаров вот уже два поколения, а девица Корню вышла замуж за Пьебёфа, умершего в двадцать шесть лет.

Мегрэ прошел еще двести-триста метров по дороге, но море не показывалось. Луг незаметно поднимался. На горизонте виднелся золотистый туман, но комиссар решил не идти дальше.

Деревенские жители встречали комиссара на улицах и в переулках. Он шел, засунув руки в карманы, порой останавливался без всякой причины, просто для того, чтобы посмотреть на какой-нибудь фасад или проходящего мимо крестьянина.

Прежде чем пойти в мэрию, Мегрэ не мог отказать себе в удовольствии выпить стаканчик белого вина. Четверо мужчин по-прежнему играли в карты. Сидя верхом на стуле, Луи наблюдал за игрой.

Крыльцо мэрии было залито солнцем. Через окно в коридоре Мегрэ увидел фуражки двух жандармов в огородах. Несомненно, они до сих пор искали гильзу.

В доме учителя окна были закрыты. А в окне

класса виднелись головы учеников, сидевших рядами.

Мегрэ отыскал лейтенанта, который красным карандашом что-то отмечал в протоколе допроса.

— Входите, месье комиссар. Я встречался со следователем. Сегодня утром он допрашивал Гастена.

— Как он?

— Как человек, впервые проведший ночь в тюрьме. Он беспокоится, не уехали ли вы.

— Полагаю, он по-прежнему все отрицает?

— Настойчивее, чем прежде.

— Сам-то он не высказывает никаких предположений?

— Он не думает, что кто-то хотел убить почтовую служащую. Он думает, что речь идет о несчастном случае, который оказался роковым. С ней часто играли злые шутки.

— С Леони Бирар?

— Да. Не только дети, но и взрослые. Вы же знаете, как это происходит, когда деревня выбирает козла отпущения. Когда подыхала кошка, ее труп бросали в дом Бирар через окно. А пару недель назад она увидела, что ее дверь была вымазана экскрементами. По словам учителя, кто-то

выстрелил, чтобы напугать ее или привести в ярость.

— А сарай?

— Он продолжает утверждать, что не заходил в сарай во вторник.

— Не работал ли он в палисаднике во вторник утром, перед уроками?

— Не во вторник, а в понедельник. Каждый день он встает в шесть часов утра. Только тогда у него есть немного свободного времени. Вы видели юного Селье? Что вы о нем думаете?

— Он без колебаний ответил на все мои вопросы.

— На мои тоже. И ни разу не противоречил себе. Я расспросил его приятелей. И все они утверждают, что он не выходил из класса. Полагаю, если бы это была ложь, то хотя бы один проговорился.

— Я тоже так думаю. Известно, кто наследует имущество Бирар?

— Мы по-прежнему не нашли завещания. У мадам Селье есть все шансы стать наследницей.

— Вы проверили, чем занимался ее муж во вторник утром?

— Он работал в своей мастерской.

— Кто-нибудь это подтвердил?

— Во-первых, его жена. Во-вторых, кузнец. Мар-

шандон заходил к нему поболтать.

— В котором часу?

— Он точно не помнит. Говорит, что до одиннадцати. Он утверждает, что их разговор длился не менее пятнадцати минут. Разумеется, это ничего не доказывает.

Лейтенант перелистал бумаги.

— Тем более что юный Селье говорит, что кузнец работал в тот момент, когда учитель покинул класс.

— Значит, его отец мог отсутствовать?

— Да. Но не забывайте, что его все знают. Ему пришлось бы перейти через площадь, войти в палисадник… Если бы он шел с карабином, то это было бы еще приметнее.

— Но, возможно, он об этом не скажет.

Словом, не было ни твердой уверенности, ни веских доказательств. Только два противоречивых свидетельства. С одной стороны, Марсель Селье утверждал, что из окна школы видел, как учитель выходил из сарая. С другой стороны, Гастен клялся, что в тот день не заходил в сарай.

Все эти события произошли совсем недавно. Уже во вторник вечером опросили всех жителей деревни. В среду опросы продолжились. Воспоминания были еще свежими.

Если учитель не стрелял, то какой смысл ему врать? И, главное, зачем ему понадобилось убивать Леони Бирар?

У Марселя Селье тоже не было причин выдумывать историю с сараем.

Тео, посмеиваясь, утверждал, что слышал выстрел, но ничего не видел.

Находился ли он в огороде? Или в подвале? Можно ли было доверять показаниям тех и других о точном времени произошедшего, ведь в деревнях никто особо не следит за временем, разве что в те часы, когда семья садится за стол? Мегрэ тем более не верил, когда ему говорили, что в такой-то момент тот или иной человек шел по улице. Когда привыкаешь раз десять в день видеть людей в привычных местах, то на это перестаешь обращать внимание. Можно чистосердечно перепутать одну встречу с другой, а потом утверждать, что она произошла во вторник, хотя на самом деле в понедельник.

От вина комиссару стало жарко.

— Когда похороны?

— В девять часов. На них придут все. Ведь не каждый день выпадает радость хоронить козла отпущения деревни. У вас есть какие-нибудь соображения?

Мегрэ отрицательно покачал головой. Он прошелся по кабинету, потрогал карабины и пули.

— Кажется, вы говорили, что доктор не уверен во времени смерти?

— Он считает, что смерть наступила между десятью и одиннадцатью часами утра.

— Таким образом, без свидетельства юного Селье…

Он постоянно возвращался к этому вопросу. И каждый раз у Мегрэ возникало ощущение, что он прошел мимо правды, хотя в какой-то момент едва не установил ее.

Леони Бирар его не интересовала. Какая разница — хотели ли ее убить, или просто напугать, или пуля попала в левый глаз случайно?

Комиссара интересовал Гастен и, как следствие, свидетельство сына Селье.

Мегрэ вышел во двор. Не успел он дойти до середины, как из школы стали выбегать, правда, не так стремительно, как во время перемены, дети. Маленькими группами они направлялись к выходу. Мегрэ легко узнавал братьев и сестер. Большие девочки держали малышей за руку. Некоторым детям предстояло преодолеть более двух километров, чтобы попасть домой.

Только один мальчик поздоровался с комисса-

ром, не считая Марселя Селье, который вежливо приподнял кепку. Другие дети проходили мимо, с любопытством глядя на Мегрэ. Учитель стоял на пороге. Мегрэ подошел к нему, и молодой человек, уступая дорогу, спросил:

— Вы хотите со мной поговорить?

— Просто хочу кое о чем спросить. Вы бывали раньше в Сент-Андре?

— Нет, я здесь впервые. Я учительствовал в Ла-Рошели и в Фурра.

— Вы знакомы с Жозефом Гастеном?

— Нет.

Черные парты и скамьи были покрыты фиолетовыми чернильными кляксами. Но на лакированной поверхности эти пятна издалека казались золотистыми. Мегрэ подошел к первому левому окну и увидел часть двора, палисадники и сарай. Из правого окна был виден задний фасад дома Бирар.

— Сегодня вы не заметили ничего странного в поведении учеников?

— Они более замкнутые, чем в городе. Возможно, от робости.

— Может, во время урока они перешептывались или обменивались записочками?

Новому учителю не было еще и двадцати двух

лет. Он явно смущался, разговаривая с Мегрэ, но не потому, что тот служил в уголовной полиции, а потому что был известным человеком. Несомненно, он вел бы себя точно так же в обществе популярной кинозвезды или политика.

— Призна́юсь, я как-то не обратил на это внимания. А должен был?

— Что вы думаете о юном Селье?

— Минуточку… Кто это?.. Я еще не освоился с именами…

— Самый высокий и самый толстый мальчик в классе… Прилежный ученик…

Учитель перевел взгляд на первое место первой скамьи, вероятно, место Марселя. Мегрэ сел на скамью, но его ноги не поместились под слишком низкой партой. С этого места он увидел не огороды, а липу, росшую во дворе, и дом Гастенов.

— Он не показался вам взволнованным, смущенным?

— Нет. Помнится, я спрашивал его на уроке арифметики. При этом я отметил, что он очень умный мальчик.

Справа от дома учителя, чуть дальше, были видны окна второго этажа двух других домов.

— Возможно, завтра я зайду и попрошу у вас разрешения поприсутствовать на уроке.

— Я в вашем распоряжении. Думаю, мы остановились в одной и той же таверне. Но здесь мне удобнее готовиться к урокам.

Мегрэ простился с учителем и направился к дому Гастенов. Но встретиться он хотел не с мадам Гастен, а с Жан-Полем. Пройдя чуть больше половины дороги, он заметил, что занавеска шевельнулась. Он остановился, вздрогнув при мысли, что вновь окажется в душной маленькой комнате и увидит унылые лица матери и сына.

Мегрэ просто струсил. Его охватила лень, возникшая наверняка из-за неторопливого ритма деревенской жизни, белого вина, солнца, которое постепенно садилось за крышами.

В самом деле, что он здесь делал? Наверное, раз сто в самый разгар расследования у него возникало такое же чувство беспомощности, вернее, собственной никчемности. Он внезапно оказался погруженным в жизнь людей, о которых еще накануне не знал, но его ремесло заключалось в том, чтобы раскопать их самые интимные тайны. Хотя, по сути, не это было его ремеслом. Он сам решил приехать, потому что учитель ждал его в течение нескольких часов, сидя в чистилище криминальной полиции.

Воздух начал синеть, стал более свежим, более

влажным. То тут, то там зажигались окна. Кузницу Маршандона заливал красноватый свет. Было видно, как при каждом выдохе мехов взвивались ввысь языки пламени.

В лавке напротив, словно на рекламном плакате, неподвижно застыли две женщины. Только их губы слегка шевелились. Казалось, они говорили по очереди, и после каждой фразы торговка сокрушенно качала головой. Говорили ли они о Леони Бирар? Вполне возможно. А также о завтрашних похоронах, которые должны были стать памятным событием в истории Сент-Андре.

Мужчины по-прежнему играли в карты. Вероятно, так они убивали время каждый день, обмениваясь одними и теми же фразами, протягивая руку к своему стакану и вытирая усы.

Мегрэ собирался уже войти, заказать бутылку вина, сесть в уголке в ожидании ужина, но тут резко затормозивший прямо перед ним автомобиль заставил его вздрогнуть.

— Я вас напугал? — раздался радостный голос доктора. — Вы еще не раскрыли все тайны?

Доктор вышел из автомобиля и закурил сигарету.

— Это не похоже на Большие бульвары, — заметил он, показывая рукой на окружавшие их

тускло освещенные витрины, кузницу, приоткрытую дверь церкви, откуда лился слабый свет. — Было бы хорошо, если бы вы увидели всё это зимой. Вы уже начали осваиваться с деревенской жизнью?

— Леони Бирар хранила письма, адресованные разным людям.

— Старая сволочь. Некоторые называли ее ханжой. Если бы вы знали, как она боялась умереть!

— Она была больна?

— Больна так, что должна была сдохнуть. Только вот она никак не подыхала. Как и Тео, которого следовало похоронить лет десять назад. Однако он продолжает выпивать свои четыре литра белого вина в день, не считая аперитивов.

— Что вы думаете о Селье?

— Они стараются изо всех сил стать мелкими буржуа. Жюльен приехал сюда по направлению детского дома, где он воспитывался. Он много работал, чтобы добиться определенного положения. У них только один сын.

— Я знаю. Очень умный мальчик.

— Да.

Мегрэ показалось, что в голосе доктора он уловил некоторую сдержанность.

— Что вы хотите сказать?

— Ничего. Он хорошо воспитанный мальчик. Поет в церковном хоре. Он любимчик кюре.

Вероятно, доктор не любил всех кюре.

— Вы думаете, что он солгал?

— Я этого не говорил. И я ничего не думаю. Если бы вы двадцать с лишним лет проработали деревенским врачом, вы стали бы таким же, как я. Всё, что их интересует, так это заработать деньги, обменять их на золотые монеты, положить золотые монеты в бутылки и зарыть бутылки в своем саду. Даже когда они болеют или получают увечье, они хотят, чтобы им за это заплатили.

— Я не понимаю вас.

— Просто существуют разные страховки и пособия, которые затем можно превратить в деньги.

Доктор говорил почти так же, как почтальон.

— Скопище негодяев! — сделал вывод доктор, хотя его тон, похоже, опровергал эти слова. — Они смешные. И мне они очень нравятся!

— Леони Бирар тоже?

— Это был феномен!

— А Жермена Гастен?

— Она всю оставшуюся жизнь будет изводить себя и других за то, что спала с Шевасу. Держу пари, что это им не часто удавалось. Возможно, всего один раз. И вот из-за одного раза, когда она

получила настоящее удовольствие… Если завтра вы еще не уедете, приходите ко мне на обед. Сегодня вечером я должен ехать в Ла-Рошель.

Спустилась ночь. Мегрэ еще немного походил по площади, выбил трубку о каблук, вздохнув, вошел в таверну Луи и направился к столику, за которым привык сидеть. Тереза, ничего не спрашивая у комиссара, поставила перед ним бутылку белого вина и стакан.

Сидевший напротив Тео, зажав карты в руке, время от времени бросал на комиссара лукавый взгляд, словно говоря: «Давай! Давай! Еще несколько лет такой жизни — и станешь, как все остальные!»

6
Похороны почтовой служащей

Мегрэ проснулся с неприятным ощущением вовсе не из-за похорон почтовой служащей, которые должны были состояться в тот день. В ярком солнечном свете смерть Леони Бирар никого не волновала, не приобретала трагической окраски. Вероятно, в своих домах и на фермах жители Сент-Андре собирались на похороны так же весело, как и на свадьбу. Во дворе с самого раннего утра Луи Помель, в накрахмаленной белой рубашке и черных суконных брюках, но без пристяжного воротничка и галстука, наливал вино в большое количество бутылок, а затем ставил их на стойку и на кухонный стол, как в ярмарочные дни.

Мужчины брились. Все собирались быть в черном, словно деревня целиком погрузилась в траур. Мегрэ вспомнил, что, когда он был маленьким, отец спросил у одной из теток, зачем она купила черное платье, а та ответила:

— Понимаешь, у моей невестки рак груди. Она может умереть через несколько месяцев или

недель. А одежда так портится, если ее красить!

У человека, живущего в деревне, вокруг столько родственников, которые могут в тот или иной момент умереть, что он почти всю свою жизнь носит траур.

Мегрэ тоже побрился.

Он заметил, что утренний автобус уехал в Ла-Рошель почти пустым, хотя была суббота. Тереза принесла ему в комнату чашечку кофе и горячую воду, поскольку накануне она видела, что Мегрэ, сидя в углу, пил вино, а после ужина опять опустошил несколько стаканов.

Но ощущение приближающейся драмы возникло у комиссара вовсе не потому, что он накануне много выпил. Возможно, главная причина заключалась в том, что он плохо спал. Всю ночь он видел лица детей крупным планом, как в кино. Лица, похожие на юного Гастена и юного Селье, но на самом деле не принадлежащие ни тому, ни другому.

Мегрэ тщетно пытался вспомнить, что именно ему приснилось. Кто-то сердился на него, один из детей, но он не знал, кто именно. Всё смешалось в одну кучу. Он повторял себе, что детей легко отличить, поскольку сын учителя носит очки. Только он тут же увидел Марселя Селье в очках.

Когда он во сне высказал свое удивление, мальчик ответил:

— Я всегда надеваю очки, когда иду на исповедь.

То, что Гастен находился в тюрьме, не было большой трагедией, поскольку ни лейтенант жандармерии, ни следователь не верили в его виновность. В течение нескольких дней ему там будет лучше, чем в деревне или даже в собственном доме. Одного свидетельства, тем более свидетельства ребенка, было недостаточно, чтобы осудить учителя.

Но в представлении Мегрэ все было гораздо сложнее. С ним такое часто случалось. Можно было даже сказать, что при каждом новом расследовании его настроение менялось по одной и той же схеме.

Сначала видишь людей со стороны. Особенно заметны их маленькие недостатки, и это забавляет. Потом постепенно влезаешь в их шкуру, спрашиваешь себя, почему они реагируют тем или иным образом, ловишь себя на мысли, что думаешь, как и они, и это все более начинает удивлять.

Возможно, гораздо позже, когда будешь сталкиваться с ними постоянно, удивление исчезнет.

Можно будет даже смеяться над ними, как это делает доктор Бресель.

Мегрэ до этого еще не дошел. Его сейчас заботили ребятишки. Ему казалось, что по крайней мере один ребенок должен был жить в каком-то кошмаре, несмотря на яркое солнце, заливавшее своим светом деревню.

Мегрэ спустился вниз к завтраку. На площадь въезжали повозки фермеров, живших далеко. Фермеры не сразу заходили в таверну. Они стояли группами на площади или около церкви. Из-за их загорелой кожи рубашки казались белоснежными.

Мегрэ не знал, кто занимался похоронами. Он даже не подумал об этом спросить. Как бы там ни было, гроб привезли из Ла-Рошели и установили в церкви.

Количество черных силуэтов стремительно увеличивалось. Мегрэ заметил и еще не знакомые ему лица. Лейтенант жандармерии подошел к нему и пожал руку.

— Есть новости?

— Нет. Вчера вечером я встречался с ним в камере. Он по-прежнему отрицает, что заходил в сарай. Он просто не понимает, почему Марсель Селье с таким упорством обвиняет его.

Мегрэ отправился на школьный двор. Уроки в этот день отменили. Окна в доме учителя были закрыты. Никого не было видно. Разумеется, мать и сын не собирались присутствовать на похоронах. Они останутся дома и, молчаливые, испуганные, со страхом будут ждать какого-нибудь неприятного инцидента.

Впрочем, не чувствовалось, чтобы толпа была разгневана. Мужчины окликали друг друга, некоторые заходили к Луи Помелю, быстро выпивали по стаканчику и возвращались обратно, вытирая усы. Когда комиссар проходил мимо, все замолчали, потом начали тихо говорить, провожая его глазами.

Молодой человек с большой трубкой во рту, одетый, несмотря на ясное небо, в плащ с поясом, подошел к комиссару.

— Альбер Раймон, репортер «Шаранты», — уверенно представился он.

Ему явно было не больше двадцати двух лет. Он был худой, с длинными волосами. Губы он скривил в иронической улыбке.

Мегрэ лишь кивнул головой.

— Я хотел приехать вчера, чтобы встретиться с вами, но у меня не было времени.

По его манере говорить и держаться чувство-

валось, что он считает себя ровней комиссару. Впрочем, они оба держались подальше от толпы, они оба могли смотреть на нее свысока, как люди, которые знают нечто неведомое толпе, которые открыли для себя все механизмы действия человеческой натуры.

— Это правда, — спросил молодой человек, держа в руках карандаш и блокнот, — что учитель отдал вам все свои сбережения, чтобы вы вытащили его из тюрьмы?

Мегрэ повернулся к нему, смерил взглядом с головы до ног, чуть было уже не открыл рот, чтобы ответить, но потом, пожав плечами, отвернулся.

Этот идиот, вероятно, мог решить, что попал в самую точку. Впрочем, это не имело никакого значения. Зазвонили колокола. Женщины вошли в церковь, за ними последовали несколько мужчин. Послышались звуки органа, раздался высокий голос мальчика из церковного хора.

— Будет месса, или только отпустительная молитва? — спросил комиссар у незнакомого мужчины.

— И месса, и отпустительная молитва. Время есть.

Значит, Мегрэ успеет выпить стаканчик у Луи. Постепенно большинство мужчин собрались у

таверны, куда они входили небольшими группами, выпивали одну-две бутылочки и выходили. Они постоянно сновали туда и обратно. Их можно было увидеть и на кухне, и во дворе. Луи Помель, успевший сбегать в церковь, снял пиджак и деловито суетился. Ему помогали Тереза и молодой человек, который, казалось, часто был у Луи на подхвате.

На службе присутствовал Селье с женой. Мегрэ не видел Марселя, но, войдя в церковь, сразу же заметил его. Марсель, будучи мальчиком из церковного хора, прислуживал на мессе. Вероятно, он вошел в ризницу непосредственно из двора родительского дома.

– *Dies irae, dies illa...* [4]

Женщины молились, шевеля губами. Но молились ли они за душу Леони Бирар или за самих себя? Несколько стариков сидели в глубине нефа, держа шляпы в руках. Время от времени кто-то приоткрывал дверь, чтобы убедиться, не кончилась ли служба.

Выйдя на улицу, Мегрэ столкнулся с Тео, который вместо приветствия послал ему свою обычную насмешливую улыбку.

---

[4] Примечания: 4

«День гнева, тот день повергнет мир во прах» (*лат.*). Католическое песнопение (секвенция). В нем описывается Судный день. — *Прим. пер.*

Он обязательно что-то должен был знать. Возможно, таких было даже несколько человек. Знали и молчали? Из таверны Луи доносились громкие разговоры. Худой фермер с длинными усами был уже наполовину пьян.

Мегрэ показалось, что глаза мясника блестели ярче обычного, а походка стала менее уверенной. Вскоре комиссар увидел, как он за несколько минут осушил три больших стакана, чокаясь то с одним, то с другим.

Менее любопытный, чем комиссар, а возможно, просто не любивший привлекать к себе внимание толпы лейтенант сидел в кабинете мэрии. Во дворе вокруг липы никого не было.

Приехала повозка, служившая катафалком. Ее везла каурая лошадь, спину которой покрыли черной попоной. Повозка остановилась около паперти. Кучер отправился в таверну, чтобы выпить стаканчик.

Легкий ветерок едва колебал воздух. Высоко в небе несколько облачков блестели, словно перламутр.

В конце концов двери открылись. Крестьяне устремились наружу. Гроб вынесли четверо мужчин, среди которых Мегрэ узнал Жюльена Селье и помощника мэра.

Гроб не без труда поставили на повозку и накрыли черным полотнищем с серебристой бахромой. Появился юный Селье. В руках он держал серебряный крест, прикрепленный к древку из черного дерева. Его стихарь раздувался от ветерка, словно парус.

За ним шел священник, читавший молитвы. Священник, оглядев всех присутствовавших, остановил на мгновение взгляд на Мегрэ.

Первыми шли Жюльен Селье и его жена, оба в черном. Голова женщины была обвязана траурной лентой. За ними следовал мэр, высокий, крепкий мужчина со спокойным лицом и седыми волосами. Его окружали члены муниципального Совета. Затем шла толпа. Мужчины впереди, женщины сзади. Некоторые женщины, особенно в конце процессии, вели за руки детей.

Молодой журналист перебегал от одного к другому, что-то записывал, разговаривал с незнакомыми Мегрэ людьми. Процессия двигалась медленно. Вот она прошла перед таверной. В дверном проеме стояла только Тереза, поскольку Луи Помель занял свое место среди членов муниципального совета.

Во второй раз за это утро Мегрэ захотелось постучать в дверь Гастенов и поговорить с Жан-По-

лем. Когда все жители направлялись к кладбищу, не чувствовали ли себя мать и сын еще более одинокими посреди опустевшей деревни?

Мегрэ пошел за процессией, не преследуя никакой конкретной цели. Они миновали дом Леони Бирар, потом ферму, во дворе которой мычала телка.

У ворот кладбища случилась небольшая заминка. Священник и мальчик из хора уже стояли перед вырытой могилой, а остальные еще не подошли.

Именно в этот момент Мегрэ увидел над кладбищенской стеной лицо. Он узнал Жан-Поля. В одном из стекол его очков солнце отражалось, как в зеркале.

Не последовав за толпой, комиссар остался у ворот. Он решил обогнуть кладбище снаружи, чтобы встретиться с мальчиком. Гастен-сын был слишком занят тем, что происходило у могилы, и не заметил маневра комиссара.

Мегрэ шел по пустырю. Когда он оказался метрах в тридцати от мальчика, под его ногой хрустнула ветка.

Жан-Поль мгновенно обернулся в сторону комиссара, спрыгнул со стены, на которой висел, и побежал к дороге.

Мегрэ чуть не окликнул его, но сдержался. Ведь его могли услышать другие. Он ускорил шаг, надеясь догнать мальчика на дороге.

Мегрэ понимал, что ситуация выглядела комичной. Он не решался пуститься бегом. Жан-Поль тоже. Ребенку даже не хватало смелости обернуться. Вероятно, он был единственным в деревне, кто не надел выходного костюма, а был в том, в чём ходил в школу.

Чтобы вернуться домой, как ему наверняка хотелось, Жан-Поль должен был пройти перед воротами кладбища, где стояли несколько фермеров.

Жан-Поль свернул налево, в сторону моря, надеясь, возможно, что комиссар не пойдет за ним.

Но Мегрэ пошел. Теперь не было видно ни домов, ни ферм. Вокруг простирались поля и луга, на которых паслись коровы. Море скрывалось за холмом, дорога плавно шла вверх.

Мальчик шел быстро, как только мог, но не бежал. Мегрэ тоже прибавил шаг. Он сам не знал, почему он преследовал Жан-Поля, понимая, что поступает жестоко.

Вероятно, в глазах Жан-Поля он выглядел некой грозной силой, преследовавшей его. Комиссару захотелось крикнуть:

— Жан-Поль!.. Остановись!.. Я хочу просто поговорить с тобой…

Кладбище и деревня остались далеко позади. Взобравшись на вершину холма, Гастен-сын начал спускаться. Мегрэ видел только его плечи, потом лишь голову. На какое-то мгновение он вообще потерял мальчика из виду и вновь увидел его только тогда, когда добрался до вершины холма. И тут перед ним открылось сверкающее пространство моря с рыбацкими баркасами с коричневыми парусами, словно парящими в воздухе.

Жан-Поль по-прежнему шел вперед. Дорога не ответвлялась ни вправо, ни влево. На берегу моря стояли пять-шесть хижин с красными крышами, где жители деревни, разводившие мидий и устриц, держали свой инвентарь.

Наконец Мегрэ решился окликнуть мальчика:

— Жан-Поль!

Голос Мегрэ прозвучал так странно, что он сам едва узнал его и оглянулся, чтобы удостовериться, что за ним никто не следит. Он заметил, что ритм шагов ребенка изменился. Услышав голос комиссара, мальчик удивился и чуть не остановился. Однако, когда удивление прошло, он зашагал еще быстрее. Он почти бежал, теперь

уже охваченный паникой.

Комиссару было стыдно настаивать. Ему казалось, что он превратился в хищного зверя, преследующего беззащитное существо.

— Остановись, малыш…

Самое смешное, что комиссар запыхался, и его голос прозвучал совсем тихо. Расстояние между ними оставалось практически прежним. Чтобы его сократить, комиссару надо было перейти на бег.

На что Жан-Поль надеялся? Что Мегрэ, отчаявшись его догнать, повернет назад?

Скорее всего, Жан-Поль вообще ни о чем не думал, он просто бежал, словно это был единственный способ избежать опасности. Дорога вела к морю. Было видно, как волны, поблескивая, накатывались на гальку.

— Жан-Поль…

Теперь уже было одинаково глупо продолжать или прекратить преследование.

Мальчик, дойдя до берега, нерешительно двинулся по тропинке, которая, вероятно, вела в ближайшую деревню, потом остановился спиной к комиссару. И только когда Жан-Поль услышал шаги Мегрэ совсем рядом, прямо за спиной у себя, он обернулся.

Он был не раскрасневшимся, а бледным. Ноздри его раздувались. Было заметно, как его грудь учащенно вздымалась. Рот был приоткрыт. Казалось, можно слышать биение его сердца, как у пойманной птицы.

Мегрэ молчал. Он не мог найти нужных слов, к тому же ему тоже надо было отдышаться.

Жан-Поль больше не смотрел на комиссара, повернувшись к морю. Они оба смотрели на море. Молчание длилось долго, столько времени, сколько понадобилось их сердцам, чтобы вернуться к спокойному, ровному ритму. Тогда Мегрэ сделал несколько шагов и сел на штабель кольев, пахнущих свежей елью. Он снял шляпу, без всякого стыда вытер вспотевший лоб и медленно принялся набивать трубку.

— Ты быстро ходишь, — в конце концов тихо произнес он.

Его собеседник, продолжавший стоять, нахохлился, как молодой петушок, и ничего не ответил.

— Ты не хочешь присесть рядом со мной?

— У меня нет желания садиться.

— Ты сердишься?

Жан-Поль, быстро взглянув на комиссара, спросил:

— За что?

— Я хочу поговорить с тобой наедине, без твоей матери. У тебя дома это было невозможно. Когда я заметил тебя на стене кладбища, я подумал, что мне выпала счастливая возможность.

Чтобы не пугать ребенка, комиссар делал долгие паузы между фразами.

— На что ты там смотрел?

— На людей.

— Ты не мог одновременно смотреть на всех. Я уверен, что ты кого-то высматривал. Я прав?

Жан-Поль не ответил ни да ни нет.

— Обычно ты ходишь в церковь?

— Нет.

— Почему?

— Потому что мои родители туда не ходят.

Со взрослым все было бы проще, ведь Мегрэ уже давно вышел из детского возраста. К тому же у него не было ни сына, ни дочери. Тем не менее он должен был постараться думать так, как думал его юный собеседник.

— Ты сказал матери, что уходишь?

— Нет.

— Ты не хотел, чтобы она знала?

— Она запретила бы мне.

— Ты воспользовался тем, что она была на-

верху, и тихо сбежал? А потом пошел в обход по улочкам?

— Мне хотелось увидеть.

— Что?

Мегрэ мог бы поклясться, что Жан-Поль хотел увидеть не толпу селян и не гроб, который опускали в могилу.

Комиссар вспомнил о стихаре, развевавшемся на ветру, о кресте, который нес Марсель. Он вспомнил, что когда ему едва исполнилось семь лет, он тоже захотел стать мальчиком из церковного хора. Но ему пришлось ждать два года. Он тоже нес серебряный крест, семеня перед деревенским катафалком, направлявшимся к кладбищу.

— Ты хотел увидеть Марселя?

Мегрэ почувствовал, как Жан-Поль вздрогнул от изумления. Ребенок удивился, неожиданно осознав, что взрослый способен разгадывать его мысли.

— Почему ты не дружишь с Марселем?

— Я ни с кем не дружу.

— Тебе никто не нравится?

— Я сын учителя. Я вам уже это говорил.

— Ты предпочел бы быть сыном жестянщика или мэра? Или любого крестьянина из деревни?

— Я этого не говорил.

Не надо было пугать Жан-Поля, поскольку он мог убежать. Однако мальчика сдерживал не только страх, что Мегрэ догонит его. Он бегал быстрее, чем комиссар. Может, сейчас, когда они оказались наедине, он чувствовал определенное облегчение? Может, в глубине души, он испытывал тайную потребность выговориться?

— Ты по-прежнему не хочешь присесть?

— Я предпочитаю стоять.

— Ты огорчен, что твой отец оказался в тюрьме?

Жан-Поль промолчал, не ответив «нет».

— Так ты не огорчен?

Мегрэ чувствовал себя, как человек, кого-то выслеживающий и продвигающийся вперед с величайшей осторожностью. Ему не следовало торопиться. Одного слова было достаточно, чтобы ребенок замкнулся в себе, и тогда будет невозможно от него чего-либо добиться.

— Ты страдаешь оттого, что ты не такой, как все?

— Почему это я не такой, как все?

— Предположим, у меня есть сын, который ходит в школу, играет на улицах квартала. Его товарищи говорят: «Это сын комиссара». И из-за

этого они относятся к нему не так, как к остальным. Понимаешь? А ты, ты сын школьного учителя…

На этот раз мальчик посмотрел на Мегрэ более пристально.

— Тебе хотелось бы стать мальчиком из хора?

Мегрэ почувствовал, что пошел ложной дорогой. Было бы трудно сказать, что навело его на эту мысль. Некоторые слова вызывали едва заметную реакцию. При других же Жан-Поль замыкался в себе.

— У Марселя есть друзья?

— Да.

— Когда они собираются вместе, они перешептываются? Они обмениваются тайнами, смеются, глядя на других?

Эти воспоминания пришли к Мегрэ из такого далекого прошлого, что он сам удивился. Ему показалось, что впервые детские воспоминания были столь отчетливыми, что он даже ощутил запах сирени, цветущей в школьном дворе.

— Ты пытался с ними подружиться?

— Нет.

— Почему.

— Нет, и всё.

— Ты думал, что они не примут тебя в свою

компанию?

— Почему вы задаете мне все эти вопросы?

— Потому что твой отец в тюрьме. И он не стрелял в Леони Бирар.

Мегрэ внимательно смотрел в глаза ребенка, но тот даже не моргнул.

— Ты прекрасно знаешь, что он не стрелял. Значит, стрелял кто-то другой. Неужели тебе хочется, чтобы твоего отца осудили?

— Нет.

Жан-Поль едва заметно колебался, и Мегрэ решил не настаивать. Он уже думал об этом накануне, сидя в уголке таверны, спрашивал себя: не злится ли Жан-Поль, сам того не осознавая, на отца и мать за то, что они не такие, как все?

И не только потому, что его отец был школьным учителем. Они не ходили в церковь. Они одевали его не так, как были одеты другие дети. Их дом не был похож на другие дома, не говоря уже об их образе жизни. Его мать никогда не смеялась, скользила словно тень, была смиренной, постоянно корила себя. Она сделала что-то плохое, и поэтому какая-то женщина стреляла в нее.

Ту женщину не осудили, что доказывает, что она была права.

Возможно, Жан-Поль все же любил своих ро-

дителей? Волей-неволей, он был частью клана, одной с ними породы.

Все это было трудно объяснить. Существовали нюансы, которые исчезали, едва комиссар начинал пользоваться словами.

— Предположим, ты знаешь нечто такое, чего будет достаточно, чтобы твой отец вышел из тюрьмы…

Комиссар и сам не знал, к чему он клонит, но он удивился, увидев, как Жан-Поль резко вскинул голову и посмотрел на него с ужасом, к которому примешивалось восхищение. Мальчик открыл рот, чуть не заговорил, но промолчал, сжав кулаки, в надежде обуздать нахлынувшие на него чувства.

— Видишь ли, я просто пытаюсь понять. Я плохо знаю твоего отца, но я уверен, что это человек, который никогда не лжет. Он утверждает, что не заходил в сарай во вторник утром, и я ему верю.

Ребенок, по-прежнему настороженный, продолжал с восторгом смотреть на комиссара.

— С другой стороны, Марсель Селье производит впечатление хорошего мальчика. Когда ему случается лгать, он сразу же идет в церковь и исповедуется, чтобы снять с себя грех. У него нет причин желать, чтобы твоего отца осудили. Ведь

твой отец никогда не относился к нему несправедливо. Наоборот, он всегда отмечает его, как первого ученика в классе, хотя таким учеником должен быть ты. Но Марсель утверждает, что видел, как твой отец выходил из сарая.

И подобно тому, как вырывается пузырь на поверхность пруда, у Жан-Поля, старавшегося не смотреть на Мегрэ, вырвалось признание. Жан-Поль, опустив голову, не глядя на Мегрэ, произнес:

— Он лжет.

— И ты уверен, что он лжет, не так ли? Это не просто твое впечатление. И ты говоришь это вовсе не из-за зависти.

— Я не завидую ему.

— Почему ты не признался в этом раньше?

— В чем?

— В том, что Марсель лжет?

— Потому что!

— Ты уверен, что он не видел твоего отца?

— Да.

— Почему?

Мегрэ ожидал, что мальчик расплачется, даже зарыдает. Но за стеклами очков глаза Жан-Поля оставались сухими. Только его тело расслабилось, а поза перестала быть агрессивной. Теперь

он даже не пытался обороняться.

Словно показывая, что он сдается, что ноги перестали его держать, Жан-Поль сел на некотором расстоянии от комиссара.

— Я видел его.

— Кого ты видел?

— Марселя.

— Где? Когда?

— В классе, около окна.

— Расскажи мне как можно точнее, что произошло.

— Да ничего не произошло. Месье Пьебёф пришел к моему отцу. Они вместе отправились в мэрию.

— Ты видел их?

— Да. Со своего места я мог их видеть. Они вошли туда, и все ученики стали шалить, как всегда.

— Ты не вставал со скамьи?

— Нет.

— Ты никогда не шалишь?

— Нет.

— Где находился Марсель?

— Около первого левого окна, того, что выходит во двор и в палисадники.

— Что он делал?

— Ничего. Он просто смотрел в окно.

— Он тоже не шалит?

— Редко.

— Но такое с ним случается?

— Когда Жозеф в классе.

— Сын мясника?

— Да.

— Ты сидел на своей скамье. Марсель стоял около левого окна. Твой отец и месье Пьебёф находились в мэрии. Так?

— Да.

— Окна были открыты?

— Они были закрыты.

— И все же ты слышал шум, доносившийся из кузницы?

— Кажется, да. Я почти в этом уверен.

— Что произошло?

— Марсель отошел от окна и прошелся по классу.

— Куда он направился?

— К одному из правых окон.

— К тому, из которого можно видеть задний фасад дома мадам Бирар?

— Да.

— В этот момент твой отец еще был в мэрии?

— Да.

— Марсель ничего не говорил?

— Нет. Он просто смотрел в окно.

— Не знаешь, на что он смотрел?

— С моего места не видно.

— Ты обычно наблюдаешь за Марселем?

Смутившись, мальчик признался:

— Да.

На этот раз Мегрэ не спросил почему. Они оба были хорошими учениками, но поскольку Жан-Поль был сыном учителя, то Марсель стал первым в классе. Марсель был мальчиком из церковного хора, он носил стихарь. У Марселя были друзья, был Жозеф, сын мясника, с которым он перешептывался на переменах и играл после уроков.

— Ты видел, как твой отец вышел из мэрии?

— Он направился к нашему дому и вошел туда, чтобы выпить чашечку кофе.

— Окно кухни было открыто?

— Нет. Но я знаю, что он пил кофе. Он всегда так делает.

— Твоя мать была внизу?

— Наверху, в моей комнате. Я видел ее через открытое окно.

— А потом твой отец не входил в сарай?

— Нет. Он пересек двор и вошел в школу.

— Марсель же по-прежнему стоял у окна, правого окна?

— Да.

— Почему ты об этом сразу не сказал?

— Когда?

Мегрэ понадобилось какое-то время, чтобы привести в порядок воспоминания.

— Подожди. Тело Леони Бирар обнаружили в начале второй половины дня. Сразу после этого вас не расспрашивали?

— В тот день нас вообще не расспрашивали. Мы не знали, что именно произошло. Мы только видели, как люди ходили туда и сюда. Потом мы увидели жандармов.

Словом, во вторник никто открыто не обвинял учителя. Марсель Селье ничего не сказал ни своим родителям, ни кому-либо еще. Следовательно, у Жан-Поля не было никаких причин, да и возможностей опровергать его слова.

— На следующий день ты был там, когда опрашивали Марселя?

— Нет. Нас вводили в кабинет по одному.

— А когда он вернулся в четверг утром? Когда ты узнал, что он сказал, что видел твоего отца?

— Не знаю.

— Во вторник вечером твои родители говорили

о Леони Бирар?

— Только когда я лег спать. Я частично слышал их разговор. Мать утверждала, что все произошло по ее вине. Отец отвечал, что нет, что это всего лишь слухи, что все поймут, что он тут ни при чем.

— Почему ты не стал возражать, когда узнал, что Марсель обвиняет твоего отца?

— Мне все равно бы не поверили.

И вновь Мегрэ показалось, что он уловил нюанс, какой-то пустячок, нечто такое субтильное, что невозможно выразить словами. Мальчик, конечно, не радовался, что его отца обвиняли в убийстве. Вероятно, ему было немного стыдно за то, что отец был в тюрьме. Но, может, это было малодушием? Не хотел ли он, пусть даже неосознанно, хотя бы немного дистанцироваться от своих родителей?

Мальчик сердился на них за то, что он не такой, как другие. Его родители тоже отличались от других, и вся деревня ополчилась на них.

Жан-Поль завидовал Марселю.

Может, он возводил на него напраслину?

В глубине души он, конечно, не поддался недоброжелательным чувствам. Это не было малодушием, во всяком случае, не только мало-

душием.

Не было ли это, напротив, определенной лояльностью ко всем остальным?

Жан-Полю представился случай опровергнуть показания Марселя, выставить его лжецом. Это было просто. Возможно, это казалось ему слишком простым, легкой победой?

Кроме того, надо было учитывать тот факт, что Жан-Полю не поверили бы. Право, кто в деревне поверил бы ему, если бы мальчик заявил: «Селье солгал. Мой отец не выходил из сарая. Я видел, как он вошел в дом, вышел оттуда, пересек двор. И в этот момент Марсель стоял у противоположного окна, откуда он не мог его видеть».

— Ты ничего не сказал матери?

— Нет.

— Она много плачет?

— Она не плачет.

Это было скверно. Мегрэ представлял себе атмосферу, царившую в доме в последние дни.

— Почему сегодня утром ты ушел из дома?

— Чтобы посмотреть.

— Посмотреть на Марселя?

— Возможно.

Возможно также, что мальчик, сам того не осознавая, захотел принять участие в жизни

деревни?

— Вы расскажете об этом лейтенанту?

— Сначала мне надо встретиться с Марселем.

— Вы скажете ему, что обо всём узнали от меня?

— Ты предпочитаешь, чтобы он ни о чём не знал?

— Да.

В глубине души мальчик не потерял надежды быть когда-нибудь принятым в престижную группу, которую, по его мнению, образовывали Марсель, Жозеф и другие.

— Думаю, он скажет мне правду. Мне не придется упоминать о тебе. Другие ученики должны были видеть, около какого окна он стоял.

— Они шалили.

— Все?

— Кроме одной девочки, Луизы Бонкёр.

— Сколько ей лет?

— Пятнадцать.

— Она не шалит, как другие?

— Нет.

— Ты думаешь, что она смотрела на Марселя?

Впервые Мегрэ заметил, что лицо мальчика покраснело, особенно уши.

— Она всегда на него смотрит, — пробормотал

он.

Возможно, девочка была влюблена в сына жестянщика и поэтому не стала опровергать его показания. Хотя, возможно, просто не обратила внимания, у какого именно окна он стоял. Марсель утверждал, что стоял около окна. Его приятелям было все равно, о каком окне шла речь.

— Пора возвращаться в деревню.

— Будет лучше, если я не пойду с вами.

— Ты хочешь пойти первым?

— Да. Вы уверены, что ничего не скажете Марселю?

Мегрэ кивнул головой. Немного поколебавшись, мальчик дотронулся до своей кепки и зашагал в сторону лугов, потом пустился бегом.

Комиссар, оказавшийся наконец на берегу моря, даже не смотрел на него. Он провожал глазами маленькую фигурку, удалявшуюся по дороге.

Мегрэ тоже пустился в путь, потом остановился, чтобы набить трубку, высморкался, пробормотал что-то неразборчивое. Те, кто увидел бы, как Мегрэ медленно идет по дороге, наверняка спрашивали бы себя, почему он так часто кивает головой.

Когда комиссар добрался до кладбища, могиль-

щики уже засыпали желтоватой землей гроб Леони Бирар, могилу которой можно было узнать издалека по свежим цветам и венкам.

7
Всепрощенчество доктора

Женщины, кроме тех немногих, что жили на отдаленных фермах, уже разошлись по домам и сняли черные платья и красивые туфли. Мужчины же остались. Как в ярмарочный день, многие вышли из таверны Луи и расположились на тротуаре и во дворе. Было видно, как они ставили бутылки на подоконники или на старый железный стол, провалявшийся всю зиму на улице.

По голосам, смеху, замедленным и неуверенным движениям было ясно, что они много выпили. Один мужчина, лица которого Мегрэ не видел, справлял нужду за изгородью.

Суетившаяся Тереза все же улучила момент, чтобы протянуть Мегрэ бутылку и стакан. Пройдя по залу, он услышал несколько разговоров одновременно и заметил на кухне доктора. Но в таверне было так много народа, что он не смог сразу к нему подойти.

— Никогда не подумал бы, что мы ее зароем в яму, — говорил старик, качая головой.

Стариков было трое, приблизительно одного

возраста. Всем им, несомненно, уже перевалило за семьдесят пять лет. В углу, где они стояли, на белой стене висел текст закона о распитии алкогольных напитков в общественных местах. Одетые в выходные черные костюмы и накрахмаленные рубашки, они держались более скованно, чем обычно, что придавало им некоторую торжественность.

Было забавно видеть, как глаза на их морщинистых лицах порой принимали наивное, почти детское выражение. У каждого в руке был стакан. Самый высокий из стариков, с пышными седыми волосами и шелковистыми усами, немного покачивался из стороны в сторону. Всякий раз, собираясь заговорить, он дотрагивался пальцем до плеча одного из собеседников.

Почему Мегрэ вдруг представил их в школьном дворе? Их смех, подмигивания были такими же, как смех и подмигивания школьников? Они вместе учились. Позднее они гуляли с одними и теми же девицами, присутствовали друг у друга на свадьбах, на похоронах родителей, на свадьбах детей и крестинах внуков.

— Она могла бы быть моей сестрой, поскольку отец всегда говорил, что неоднократно заваливал ее мать на стог сена. Похоже, та была настоящей

шалавой, а ее муж всю свою жизнь ходил с рогами…

Разве все это не характеризовало деревню? За спиной Мегрэ стояла другая группа. Какой-то крестьянин говорил:

— Когда он мне продал эту корову, я сказал ему: «Послушай, Виктор… Я знаю, что ты мошенник. Но не забывай, что мы вместе служили в Монпелье и что однажды вечером…»

Луи, не успевший переодеться, просто снял пиджак. Мегрэ медленно пробирался сквозь толпу, вспомнив, что в этот день доктор ждал его на обед. Но, может, Бресель забыл о своем приглашении?

Доктор, как и другие, держал в руке стакан, но сохранял хладнокровие. Он старался образумить Марселена, мясника, который напился сильнее других и казался крайне возбужденным. Издалека было трудно догадаться, что, в сущности, произошло. Марселен был явно настроен против кого-то. Он пытался оттолкнуть доктора и войти в первую комнату.

— А я тебе говорю, что все ему выскажу! — услышал комиссар.

— Успокойся, Марселен. Ты пьян.

— Разве я не имею права напиться?

— Что я сказал тебе в последний раз, когда ты

пришел ко мне на прием?

— Плевать я на это хотел!

— Если ты будешь продолжать так вести себя, следующие похороны будут твоими.

— Я не потерплю, чтобы за мной шпионили. Я свободный человек!

Вино плохо подействовало на Марселена. Лицо побледнело, только на скулах появился болезненный румянец, под глазами образовались синяки. Он больше не контролировал свои движения. Голос его стал тягучим.

— Слышишь, лекарь? Я всегда терпеть не мог шпионов. Так что он здесь делает, если…

Марселен впился взглядом в лицо Мегрэ, пытаясь до него добраться, чтобы высказать всё, что было у него на сердце. Два-три крестьянина, посмеиваясь, смотрели на него. Кто-то протянул мяснику стакан, но доктор резко перехватил его и вылил всё содержимое на пол.

— Фирмен, разве ты не видишь, что ему хватит?

До сих пор не было никаких жарких споров, никаких потасовок. По сути, все они слишком хорошо знали друг друга, чтобы драться. Они также знали, кто из них был самым сильным.

Мегрэ не стал подходить ближе. Чтобы не

раздражать мясника, он сделал вид, будто не замечает происходящего. Тем не менее он не спускал с него глаз и поэтому стал свидетелем небольшой сцены, которая вызвала у него довольно сильное удивление.

Помощник мэра, высокий и рыхлый Тео, со своей вечной ухмылкой подошел к ним, держа в руках стакан. В нем было не белое вино, а перно́, судя по цвету, очень слабо разбавленное и поэтому крепкое.

Тихо сказав несколько слов доктору, Тео протянул стакан мяснику и положил ему на плечо руку. Он также сказал несколько слов Марселену, который сначала как-то ощетинился, готовый оттолкнуть Тео.

Наконец он схватил стакан и залпом выпил его содержимое. Почти мгновенно его глаза стали более мутными, словно стеклянными. Он попытался еще раз угрожающее показать пальцем на комиссара, но его руки отяжелели.

Когда Марселен совсем обмяк, Тео подтолкнул его к лестнице, заставляя подниматься по ней. Но через несколько ступенек помощнику мэра пришлось подставить мяснику свое плечо.

— Вы не забыли о моем приглашении?

Подошедший к Мегрэ доктор вздохнул с облег-

чением и произнес почти те же самые слова, что и старик в углу:

– *Наконец-то они ее зарыли в яму!* Ну что, пошли?

Они выбрались из толпы, оказались на улице и немного прошли по тротуару.

— Не пройдет и трех месяцев, как настанет очередь Марселена. Я постоянно твержу ему: «Марселен, если ты не перестанешь пить, ты сдохнешь». К тому же он почти ничего не ест.

— Он болен?

— В его семье все больны. Несчастный тип.

— Тео решил уложить его наверху?

— Надо же было как-то от него избавиться…

Доктор открыл дверь. В доме вкусно пахло.

— Выпьете аперитив?

— Лучше не надо.

В таверне Луи стоял такой крепкий запах вина, что можно было легко от него опьянеть.

— Вы присутствовали на похоронах?

— Наблюдал за ними издалека.

— Я искал вас, когда вышел с кладбища, но так и не увидел. Арманда, обед готов?

— Будет готов через пять минут.

На столе стояли только два прибора. Как и служанка кюре, сестра доктора предпочитала

не садиться вместе с гостями за стол. Вероятно, она стоя перекусывала на кухне между подачей блюд.

— Садитесь. Что вы об этом скажете?

— О чем?

— Ни о чём. Обо всём. Она удостоилась пышных похорон!

Мегрэ проворчал:

— А учитель по-прежнему в тюрьме!

— Надо же было кого-то посадить…

— Доктор, мне хотелось бы задать вам один вопрос. Как вы думаете, многие ли из тех, кто присутствовал на похоронах, действительно считают, что Леони Бирар убил Гастен?

— Разумеется, кое-кто так полагает. Есть люди, готовые поверить во что угодно.

— А остальные?

Доктор не сразу понял суть заданного вопроса. Мегрэ объяснил:

— Предположим, десятая часть населения убеждена, что стрелял учитель.

— Да, так оно и есть.

— Остальные девять десятых придерживаются иного мнения.

— Несомненно.

— Кого они подозревают?

— Трудно сказать. По-моему, каждый более или менее искренне подозревает того, кого хотел бы видеть виновным.

— Но никто об этом не говорит?

— Может, между собой и говорят.

— А с вами они делились своими подозрениями?

Доктор, почти как Тео, с иронией взглянул на Мегрэ.

— Мне они таких вещей не говорят.

— Однако их нисколько не волнует, что учитель сидит в тюрьме, хотя они знают или подозревают, что он невиновен?

— Разумеется, это их не волнует. Гастен не местный. Они считают, что если лейтенант жандармерии и следователь сочли необходимым арестовать учителя, то это их дело. Им за это и платят.

— И они позволили бы осудить учителя?

— Не моргнув глазом. А вот если бы в тюрьму попал кто-то из своих, это была бы совсем другая история. Вы начинаете понимать? Если нужен виновный, пусть лучше он будет чужаком.

— Они верят, что сын Селье говорит правду?

— Марсель — славный мальчик.

— Он солгал.

— Вполне возможно.

— Я все спрашиваю себя, почему?

— Возможно, потому что он подумал, что в убийстве обвинят его отца. Не надо забывать, что его мать приходится старухе Бирар племянницей, и что она унаследует всё ее имущество.

— Я думал, что Бирар постоянно твердила, что племянница не получит ни су.

Чувствовалось, что доктор немного смутился. Но тут его сестра принесла закуски.

— Вы не были на похоронах? — спросил ее Мегрэ.

— Арманда никогда не ходит на похороны.

Они молча стали есть. Мегрэ первым заговорил, словно рассуждая сам с собой.

— Марсель Селье видел, как учитель выходил из сарая не во вторник, а в понедельник.

— Он признался?

— Я его еще не спрашивал, но я почти в этом уверен. В понедельник, до начала уроков, учитель Жозеф Гастен работал в саду. Когда он утром шел по двору, то увидел валявшуюся мотыгу. Он поднял ее и отнес в сарай. Во вторник вечером, когда было обнаружено тело Бирар, Марсель ничего не сказал. Тогда он еще не думал обвинять своего школьного учителя. Позднее эта мысль пришла

ему в голову. Или на такой шаг его подтолкнул нечаянно услышанный разговор. Откровенно врать он не стал. Женщины и дети — большие мастера говорить полуправду. Или полуложь. Он ничего не выдумал, просто перенес реальное событие на другой день.

— Это довольно забавно!

— Я готов спорить, что Марсель пытался себя убедить, что именно во вторник видел, как учитель выходит из сарая. Разумеется, это ему не удалось, и он пошел исповедоваться.

— Почему бы вам не спросить об этом кюре?

— Потому что, если бы кюре признался в этом, он нарушил бы тайну исповеди. Священнослужитель никогда так не поступит. Я хотел расспросить соседей, в том числе работников кооператива, не видели ли они, как Марсель входил в церковь, когда там не было службы, но теперь я знаю, что он пробирался туда дворами.

Баранья нога была зажарена в самый раз, фасоль просто таяла во рту. Доктор достал бутылку старого вина. С улицы доносился приглушенный шум, долетали обрывки разговоров, не стихавшие во дворе таверны и на площади.

Понимал ли доктор, что Мегрэ разговаривал с ним только для того, чтобы составить четкое

впечатление о своем собеседнике? Он постоянно возвращался к одной и той же теме, лениво перебирая разные варианты, но не касался главного.

— По сути, я не верю, что Марсель солгал для того, чтобы никто не заподозрил его отца.

Комиссару в этот момент показалось, что Бресель знает больше, чем говорит.

— В самом деле?

— Видите ли, я пытаюсь влезть в шкуру учеников. С самого начала у меня сложилось впечатление, что это история детей, к которой взрослые оказались причастны только случайно…

Глядя доктору в лицо, комиссар спокойно и уверенно добавил:

— И я всё больше и больше убеждаюсь, что другие тоже об этом знают.

— В таком случае, вам, возможно, удастся их разговорить.

— Возможно, но это трудно, не так ли?

— Очень трудно.

Бресель насмехался над комиссаром точно так же, как помощник мэра.

— Сегодня утром у меня состоялся продолжительный разговор с сыном Гастена.

— Вы ходили к ним домой?

— Нет. Я заметил его, когда он, повиснув на

стене, наблюдал за похоронами. И я последовал за ним до самого моря.

— А что он собирался делать на берегу?

— Он убегал от меня. И в то же время хотел, чтобы я его догнал.

— Что он вам сказал?

— Что Марсель Селье стоял не у левого, а у правого окна. В принципе, Марсель мог видеть, как упала Леони Бирар в тот момент, когда пуля попала ей в глаз. Но он совершенно точно не мог видеть, как учитель выходил из сарая.

— И какой вывод вы делаете?

— Что сын Селье решился на ложь, чтобы прикрыть кого-то. Не тотчас же. Он немного выждал. Вероятно, эта мысль не сразу пришла ему в голову.

— Почему его выбор пал на учителя?

— Во-первых, потому, что это показалось ему наиболее правдоподобным. Во-вторых (и это главное), он видел накануне, почти в это же время, как учитель выходил из сарая. В-третьих, возможно, из-за Жан-Поля.

— Вы думаете, что он его ненавидит?

— Заметьте, доктор, я ничего не утверждаю. Я ищу на ощупь. Я расспрашивал двух детей. Сегодня утром я наблюдал за стариками, ко-

торые некогда тоже были детьми, выросли в этой деревне. Если жители деревни враждебно относятся к чужакам, то это связано с тем, что они невольно им завидуют, разве нет? Всю свою жизнь они живут в Сент-Андре, время от времени ездят в Ла-Рошель. Единственным развлечением им служат свадьбы или похороны.

— Я понимаю, куда вы клоните.

— Учитель приехал из Парижа. В их глазах он человек образованный, который вмешивается в их делишки и осмеливается давать советы. У мальчишек сын учителя пользуется таким же авторитетом.

— Марсель солгал из ненависти к Жан-Полю?

— Отчасти из зависти. Самое любопытное, что Жан-Поль тоже завидует Марселю и его друзьям. Он чувствует себя одиноким, не таким, как другие. Стоящим в стороне от них.

— Тем не менее кто-то стрелял в старуху Бирар. Но это не мог быть ни один из этих двух мальчишек.

— Совершенно верно.

Арманда принесла домашний яблочный пирог. Из кухни доносился приятный аромат кофе.

— Я все больше и больше убеждаюсь, что Тео знает правду.

— Потому что он находился в своем палисаднике?

— Да. Но и по другим причинам тоже. Вчера вечером, доктор, вы, забавляясь, сказали, что все они негодяи.

— Я пошутил.

— Только наполовину, не правда ли? Все они в той или иной степени жульничают, делают то, что вы называете мелким мошенничеством. Вы высказываетесь в свойственной вам откровенной манере. При случае вы посмеиваетесь над ними. Но на самом деле вы не предаете их. Я прав?

— По вашим словам, кюре отказался бы говорить с вами, если бы вы стали расспрашивать его о Марселе. Думаю, вы правы. Я их врач. Так вот, я и кюре — это почти одно и то же. Знаете, комиссар, наш обед начинает казаться мне допросом. Что вы предпочитаете к кофе? Коньяк или кальвадос?

— Кальвадос.

Бресель взял бутылку из старинного буфета, наполнил два бокала. Он был по-прежнему веселым, радостным, но его глаза стали серьезными.

— Ваше здоровье.

— Я хотел бы поговорить с вами о несчастном случае, — чуть ли не робко сказал Мегрэ.

— О каком несчастном случае?

Доктор задал этот вопрос только для того, чтобы дать себе время подумать, поскольку несчастные случаи в деревне происходили редко.

— Несчастный случай с мотоциклетом.

— Вам о нем рассказали?

— Я знаю только, что мотоциклет сбил сына Марселена. Когда это произошло?

— Чуть больше месяца назад, в одну из суббот.

— Около дома старухи Бирар?

— Да, недалеко. Возможно, метрах в ста.

— Это было вечером?

— Незадолго до ужина. Было уже темно. Двое мальчишек…

— Каких мальчишек?

— Жозеф, сын Марселена, и Марсель.

— Их было только двое?

— Да. Они возвращались домой. Мотоциклет ехал со стороны моря. Трудно сказать, как это произошло.

— Кто управлял мотоциклетом?

— Эрве Жюссо. Он разводит устриц. Ему лет тридцать. В прошлом году он женился.

— Он был выпивши?

— Он не пьет. Его воспитывали тетки. А они очень строгих правил. Они и сейчас живут с су-

пружеской четой.

— Фара горела?

— Следствие установило, что горела. Вероятно, дети играли. Жозеф перебегал через улицу, и тут его сбили.

— У него сломана нога?

— В двух местах.

— Он останется хромым?

— Нет. Через неделю-другую он вообще забудет о переломах.

— Но сейчас он ходить еще не может?

— Нет.

— Марселен получит какую-нибудь выгоду от этого несчастного случая?

— Некоторую денежную сумму по страховке, поскольку Жюссо признал, что несчастный случай, возможно, произошел по его вине.

— Вы думаете, что так оно и было?

Доктор, которому было явно не по себе, заставил себя рассмеяться.

— Теперь я понимаю, что вы у себя на набережной Орфевр называете допросом вслепую… Как бы просто разговор за обедом… Ведь вы это так называете?

Доктор наполнил стаканы.

— Марселен — бедолага. Все знают, что он долго

не протянет. Нельзя его упрекать за то, что он пьет. Ведь ему никогда не везло. В его семье не только кто-нибудь постоянно болеет, но и всё, за что он берется, заканчивается плохо. Три года назад он взял в аренду луг для выпаса быков, но наступила такая засуха, что он все потерял. Он еле-еле концы с концами сводит. Когда он развозит мясо, его грузовичок то и дело стоит сломанный на обочине.

— Таким образом, Жюссо, которому было нечего терять, поскольку деньги выплачивала страховая компания, взял вину на себя?

— Примерно так.

— И все об этом знают?

— Более или менее. «Страховая компания» для них понятие расплывчатое, такое же далекое, как «правительство». И они считают себя вправе брать с нее деньги.

— Справку выписали вы?

— Разумеется.

— И вы составили ее таким образом, что Марселен получит максимум возможного?

— Скажем так… Я написал об осложнениях, которые могли бы возникнуть.

— А они возникли?

— Они могли возникнуть. Когда внезапно уми-

рает корова, в пяти случаях из десяти ветеринар выписывает справку о нечастном случае.

Теперь настала очередь Мегрэ улыбнуться.

— Если я правильно понял, сын Марселена мог встать на ноги неделю или две недели назад.

— Неделю назад.

— Не снимая с него гипс, вы позволяете отцу требовать от страховой компании более значительную сумму?

— Как видите, даже врач вынужден быть отчасти негодяем. Если бы я отказывался делать такие вещи, меня бы здесь уже не было. А учитель сейчас сидит в тюрьме именно потому, что он отказывался выдавать нужные им справки. Если бы он был более сговорчивым, если бы постоянно не ругался с Тео, обвиняя его в слишком щедрой раздаче правительственных денег, деревня, возможно, приняла бы его.

— Несмотря на то, что случилось с его женой?

— Да они здесь все рогоносцы.

— Марсель Селье был единственным свидетелем несчастного случая?

— Я же говорил вам, что это произошло вечером. На дороге больше никого не было.

— Кто-нибудь мог видеть это в окно?

— Вы имеете в виду старуху Бирар?

— Полагаю, она не всегда сидела на кухне. Иногда ей случалось заходить и в переднюю комнату…

— Во время расследования о ней речь не шла. Она ничего не говорила.

Доктор, став серьезным, задумчиво почесал в затылке.

— У меня такое чувство, что вы, в конце концов, во всем разберетесь. Но заметьте, я до сих пор не понимаю, куда вы клоните.

— Вы в этом уверены?

— В чем?

— Почему сегодня утром Марселен хотел наброситься на меня?

— Он был пьян.

— Но почему именно на меня?

— Вы были единственным чужаком в таверне. Когда он напивается, то считает, что все его преследуют. Вот он и вообразил, что вы приехали сюда, чтобы шпионить за ним…

— Вы попытались его успокоить.

— А вы предпочли бы, чтобы завязалась драка?

— Тео усыпил его, дав выпить двойной или тройной перно́, и утащил на второй этаж. Я впервые вижу, как помощник мэра изображает из себя сердобольного человека.

— Марселен приходится ему родственником.

— Я бы предпочел, чтобы Марселен сказал, что хочет выставить меня отсюда. Но другие, видимо, этого не хотели и быстро устранили его. Сейчас мясник, вероятно, потягивает вино в одной из комнат второго этажа.

— Мне нужно идти в свой кабинет, — сказал Бресель. — Наверняка меня уже ждут человек десять.

Кабинетом доктора оказалось низкое здание из двух комнат, расположенное во дворе. Было видно, как люди сидели рядком около стены. Среди них были ребенок с перевязанной головой и старик на костылях.

— Думаю, вы чего-нибудь добьетесь! — вздохнул доктор, намекая не на карьеру Мегрэ, а на его нынешнее расследование.

Теперь доктор смотрел на комиссара не только с уважением, но и с определенной завистью.

— А вы предпочли бы, чтобы я ни до чего не докопался?

— Да я сам задаю этот вопрос себе… Возможно, было бы лучше, чтобы вы вообще сюда не приезжали.

— Все зависит от того, что мы установим в конце расследования. У вас есть какие-нибудь мысли

на этот счет?

— Я знаю приблизительно столько же, сколько и вы.

— И вы хотели бы, чтобы Гастен остался в тюрьме?

— В любом случае, они не могут его там долго держать.

Бресель не был местным. Он, как и учитель, родился в городе. Но он более двадцати пяти лет жил в деревне и вопреки собственной воле был с ней заодно.

— Приходите ко мне, когда у вас появится желание. Поверьте, я делаю всё, что в моих силах. Только я хочу жить здесь и проводить бóльшую часть дня на свежем воздухе, а не быть запертым в кабинете в городе или в каком-нибудь предместье.

— Спасибо за обед.

— Вы вновь будете расспрашивать юного Марселя?

— Еще не знаю.

— Если вы хотите, чтобы он заговорил, побеседуйте с ним в отсутствии его отца.

— Он боится отца?

— Не думаю, что это страх. Скорее, восхищение. Если он солгал, то, вероятно, сейчас сильно

переживает.

Когда Мегрэ вышел от доктора, у Луи и на площади находились только несколько групп. Как и в другие дни, Тео, сидя в уголке, играл в карты с почтальоном, кузнецом и фермером. Его взгляд встретился со взглядом Мегрэ. И хотя взгляд оставался насмешливым, в нем угадывалось определенное уважение.

— Марселен все еще наверху? — спросил комиссар у Терезы.

— Храпит во все горло. Загадил всю комнату. Он теперь плохо переносит выпивку. И каждый раз одно и то же…

— Меня никто не спрашивал?

— Недавно заглядывал лейтенант. Он не стал заходить в таверну, только обвел взглядом зал, словно кого-то искал. Возможно, вас. Выпьете что-нибудь?

— Нет, спасибо.

Мегрэ мутило от одного запаха вина. Он медленно направился к мэрии. Один из бригадиров разговаривал с лейтенантом Даньелу.

— Вы хотели меня видеть?

— Да, просто так… Я был на площади и решил заглянуть в таверну, нет ли вас там.

— Есть новости?

— Возможно, это не так уж важно… Бригадир Нули нашел седьмой карабин.

— Двадцать второго калибра?

— Да. Вот он. Такого же образца, как и остальные.

— Где он был?

— В сарае, за домом мясника.

— Он был спрятан?

На этот вопрос ответил бригадир:

— Мы с коллегой по-прежнему ищем гильзу. Прочесываем палисадник за палисадником. Я увидел, что дверь сарая открыта. Там всюду были пятна крови. В углу я заметил карабин.

— Вы расспросили жену мясника?

— Да. Она ответила, что когда Селье постучал к ним в дверь и сказал, что все должны принести свои карабины в мэрию, она не подумала о карабине сына, поскольку тот уже спал. Месяц назад произошел несчастный случай, и…

— Знаю.

Держа карабин в руке, Мегрэ попыхивал трубкой. В конце концов он просто поставил карабин в угол к остальным.

— Лейтенант, не могли бы вы пройтись со мной?

Они пересекли двор и, толкнув дверь, вошли в

класс, где стоял запах чернил и мела.

— Заметьте, я еще не знаю, куда это нас приведет. Во вторник утром, когда учитель вышел отсюда вместе с фермером Пьебёфом, Марсель Селье направился к этому окну.

— Так он нам и сказал.

— Справа от липы виден сарай. Можно также видеть окна, в том числе окна второго этажа дома мясника.

Лейтенант слушал Мегрэ, нахмурив брови.

— Но мальчик недолго оставался на этом месте. До возвращения учителя он прошел через класс.

Мегрэ тоже это сделал. Пройдя мимо черной доски, стола школьного учителя, он направился к окну, расположенному прямо напротив первого. Комиссар продолжил:

— Как вы сами можете убедиться, отсюда виден дом Леони Бирар. Если Бирар стояла у окна, когда пуля попала ей в глаз, как это, похоже, установило следствие, вполне возможно, что Марсель видел, как она упала.

— Вы полагаете, что у него была причина, чтобы перейти от одного окна к другому? Он что-то видел и…

— Не обязательно.

— Но почему он солгал?

Мегрэ предпочел не отвечать.

— У вас есть подозрения?

— Думаю, да.

— Что вы собираетесь делать?

— То, что полагается, — без всякого воодушевления ответил Мегрэ.

Комиссар вздохнул, выбил трубку на серовато-тый пол, посмотрел на пепел и с сожалением добавил:

— Это не очень-то приятно.

За ними, стоя у окна второго этажа, через двор наблюдал Жан-Поль.

8
Подкова Леони

Прежде чем покинуть класс, Мегрэ заметил еще один силуэт в окне, на этот раз открытом, чуть дальше, за палисадниками. Силуэт сидел на подоконнике спиной к комиссару, но по форме головы и полноте он узнал Марселя Селье.

— Полагаю, это дом мясника?

Лейтенант посмотрел в указанном направлении.

— Да… Жозеф, сын мясника, и Марсель — большие друзья.

Мальчик повернулся и опустил голову, глядя на женщину, которая развешивала в саду белье. Машинально его взгляд описал полукруг в тот самый момент, когда Мегрэ и жандарм вышли из класса и направились к дому мясника.

Несмотря на большое расстояние, по движениям можно было догадаться, что Марсель разговаривает с кем-то в комнате. Потом он спрыгнул с подоконника и исчез.

Обращаясь к комиссару, Даньелу задумчиво произнес:

— Удачи!

— Вы возвращаетесь в Ла-Рошель?

— А вы хотите, чтобы я вас подождал?

— Возможно, тогда я смог бы уехать вечерним поездом.

Комиссару оставалось пройти не более ста пятидесяти метров, что он и сделал большими размеренными шагами. Мясная лавка находилась в низеньком, приземистом доме. Собственно говоря, она не была похожа на настоящий магазинчик. Просто под лавку отвели левую комнату первого этажа, поставив там причудливый прилавок с весами, морозильник старой модели и стол для разделывания мяса.

Входная дверь вела в коридор, в глубине которого, слева от лестницы, был виден двор.

Прежде чем постучать, Мегрэ заглянул в открытое правое окно. Это было окно кухни, где три женщины, в том числе старуха в белом чепце, сидели за круглым столом и ели пирог. Одна из них была, вероятно, женой Марселена. Две другие — его мать и сестра, жившие в соседней деревне и приехавшие на похороны.

Они заметили Мегрэ. Окна были такими маленькими, что на мгновение широкая фигура Мегрэ заслонила их. Они слышали, как он замеш-

кался на пороге, ища звонок. Не найдя его, он сделал два шага вперед, стараясь произвести как можно больше шума.

Жена мясника встала и, приоткрыв кухонную дверь, спросила:

— Что вам угодно?

Потом, видимо, узнав комиссара, поскольку видела его в деревне, сказала:

— Вы ведь полицейский из Парижа, верно?

Если жена мясника и ходила на похороны, то уже успела переодеться. Она была еще нестарой, но ее спина сгорбилась, щеки впали, глаза лихорадочно блестели. Избегая смотреть комиссару в лицо, она добавила:

— Мужа нет дома. Я не знаю, когда он вернется. Ведь вы пришли к нему?

Она не пригласила комиссара войти на кухню, где молча сидели две другие женщины.

— Я хотел бы переговорить с вашим сыном.

Она испугалась, но это ничего не значило, поскольку она, вероятно, всегда чего-то боялась и жила в ожидании неизбежной катастрофы.

— Он лежит в постели.

— Я знаю.

— Вот уже больше месяца он не спускается со второго этажа.

— Вы позволите мне подняться?

Что она могла сделать? Она впустила комиссара без всяких возражений, лишь судорожно схватившись обеими руками за уголок передника. Мегрэ, преодолев четыре-пять ступенек, увидел Марселя, спускавшегося по той же самой лестнице. Комиссару пришлось прижаться спиной к стене.

— Простите… — пробормотал мальчик, тоже избегавший смотреть Мегрэ в лицо.

Марсель торопился оказаться на улице и, вероятно, ждал, что Мегрэ остановит или окликнет его. Но Мегрэ промолчал и стал подниматься дальше.

— Правая дверь, — сказала мать, когда комиссар оказался на лестничной площадке.

Комиссар постучал. Раздался детский голос:

— Войдите.

Мать стояла неподвижно. Подняв голову, она смотрела, как Мегрэ открыл, а затем закрыл за собой дверь.

— Не вставай.

Сидя на кровати с подложенными под спину подушками, вытянув ногу, загипсованную до середины бедра, Жозеф сделал вид, что пытается встать.

— На лестнице я встретил твоего друга.

— Знаю.

— Почему он меня не подождал?

Потолок в комнате был настолько низким, что Мегрэ почти касался головой центральной балки. Да и сама комната была очень маленькой. Ее бóльшую часть занимала кровать. Постель была смята, на кровати валялись иллюстрированные журналы и кусочки дерева, изрезанные перочинным ножом.

— Тебе скучно?

В комнате стоял стул, но он был завален всякой всячиной. На нем лежали куртка, рогатка, две-три книги и кусочки дерева.

— Вы можете убрать всё это, — сказал мальчик.

Жан-Поль Гастен походил на отца и мать, Марсель — на жестянщика.

Жозеф же ничего не взял ни от мясника, ни от его жены. Из трех мальчиков он был, несомненно, самым красивым, одним из тех детей, которые производят впечатление здорового, уравновешенного ребенка.

Мегрэ сел на подоконник, спиной ко дворам и палисадникам, на место, которое совсем недавно занимал Марсель. Он не торопился начать раз-

говор. И делал он это вовсе не потому, что хотел, как на набережной Орфевр, сбить с толку своего собеседника. Просто он не знал, с чего начать.

Первым нарушил молчание Жозеф, спросив:

— Где мой отец?

— У Луи.

Мальчик, немного поколебавшись, снова спросил:

— Как он?

Зачем скрывать от ребенка то, о чём он, вероятно, и так догадывался?

— Тео уложил его спать.

Такой ответ вовсе не взволновал Жозефа, а, наоборот, успокоил.

— Мать и бабушка внизу?

— Да.

Солнце, опускавшееся к горизонту по ясному небу, мягко пригревало спину Мегрэ. Из палисадников доносилось пение птиц. Где-то ребенок дудел в оловянную трубу.

— Хочешь, я сниму с тебя гипс?

Можно было подумать, что Жозеф ждал подобного вопроса и понял всё с полуслова. Но он не проявлял беспокойства, как его мать. Он вовсе не выглядел испуганным. Он разглядывал полнотелую фигуру своего гостя. Внешне его лицо

оставалось бесстрастным. Казалось, он думал, какую позицию занять.

— Вы знаете?

— Да.

— Вам доктор сказал?

— Я еще раньше догадался. Что вы делали, ты и Марсель, когда тебя сбил мотоциклет?

Казалось, Жозеф почувствовал облегчение.

— Вы нашли подкову? — спросил он.

При этих словах в памяти Мегрэ всплыл смутный образ. Где-то он видел лошадиную подкову. Да, когда он пришел в дом Леони Бирар. Ржавая подкова валялась на полу в правом углу от окна, недалеко от нарисованного мелом силуэта, обозначавшего расположение тела.

Эта деталь не ускользнула от внимания комиссара. Он даже хотел задать какой-то вопрос лейтенанту. Но, выпрямившись, он увидел гвоздь и сказал себе, что подкова, вероятно, висела на этом самом гвозде. В деревнях многие хранят, словно талисман, подковы, найденные на дороге.

Даньелу и жандармы, производившие осмотр места преступления, вероятно, рассуждали точно так же.

— У Леони Бирар действительно была подко-

ва, — ответил Мегрэ.

— Это я ее нашел в тот вечер, когда произошел несчастный случай. Мы с Марселем шли по дороге, ведущей к морю, когда я об нее споткнулся. Было темно. Я взял подкову с собой. Проходя мимо дома старухи, я держал ее в руках. Окно, выходящее на дорогу, было открыто. Мы бесшумно подкрались.

— Бирар находилась в передней комнате?

— На кухне. Дверь была приоткрыта.

Он не смог сдержать улыбку.

— Сначала я хотел бросить подкову в дом, чтобы испугать ее.

— Как ты бросал дохлых кошек и всякий мусор?

— Не я один бросал.

— Ты передумал?

— Да. Я сказал себе, что будет забавнее сунуть подкову ей в кровать. Я тихо влез в окно, сделал два-три шага. Но, к сожалению, я на что-то наткнулся, не знаю, на что. Она услышала. Я бросил подкову и выпрыгнул в окно.

— Где в это время был Марсель?

— Он ждал меня чуть в стороне. Я бросился бежать. Я слышал, как старуха ругается, глядя в окно, и тут меня сбил мотоциклет.

— Почему ты об этом ничего не сказал?

— Меня сразу отнесли к доктору. Мне было очень плохо. Мне дали какое-то лекарство, и я заснул. Когда я проснулся, рядом находился отец. Он сразу же заговорил со мной о страховке. Я понимал, что если я скажу всю правду, отец не получит страховку, поскольку будет признано, что несчастный случай произошел по моей вине. Моему отцу нужны были деньги.

— Марсель приходил к тебе?

— Да. Я заставил его дать слово, что он тоже ничего не скажет.

— С тех пор он навещает тебя каждый день?

— Почти каждый день. Он мой друг.

— А Жан-Поль дружит с тобой?

— Он ни с кем не дружит.

— Почему?

— Не знаю. Не хочет, наверное. Он похож на свою мать. Его мать никогда не разговаривает с деревенскими женщинами.

— А тебе не скучно лежать целый месяц одному в этой комнате?

— Скучно.

— Чем же ты занимаешься весь день?

— Ничем… Я читаю, вырезаю из дерева кораблики и фигурки.

Вокруг него лежала дюжина корабликов и фигурок, причем некоторые из них были сделаны довольно хорошо.

— Ты никогда не подходишь к окну?

— Я не должен был к нему подходить.

— Иначе все узнали бы, что ты можешь ходить?

Жозеф честно ответил:

— Да.

Потом мальчик спросил:

— Вы скажете об этом страховой компании?

— Это меня не касается.

Снова воцарилось молчание. Мегрэ обернулся, чтобы взглянуть на задние фасады домов и школьный двор.

— Полагаю, ты поглядываешь в окно в основном во время перемен?

— Довольно часто.

Прямо напротив, с другой стороны палисадника, виднелись окна дома Леони Бирар.

— Леони Бирар замечала тебя?

— Да.

Теперь мальчик помрачнел. Он все еще колебался, но уже понимал, что ему все равно придется признаться.

— Она еще раньше, увидев меня, корчила раз-

ные рожи.

— Она показывала тебе язык?

— Да. А после несчастного случая она издевалась надо мной, показывая подкову.

— Почему?

— Разумеется, чтобы я понял, что она может обо всем рассказать.

— Тем не менее она ни о чём не говорила.

— Да.

Можно было подумать, что бывшая почтовая служащая впала в детство и переругивалась с мальчишками, которые сделали из нее козла отпущения. Она ругалась, угрожала, показывала им язык. Издали она напоминала Жозефу, что может доставить ему серьезные неприятности.

— Это пугало тебя?

— Да. Моим родителям нужны деньги.

— Они знают о подкове?

— Да, мой отец.

— Ты ему все рассказал?

— Он догадался, что я совершил нечто, о чем молчу, и заставил во всем признаться.

— Он ругал тебя?

— Он посоветовал мне молчать.

— Сколько раз Леони Бирар показывала тебе из окна подкову?

— Раз двадцать, наверное. Она всегда показывала ее, когда видела меня.

Как и во время утреннего разговора с Жан-Полем, Мегрэ медленно раскурил трубку, стараясь выглядеть как можно менее грозным. Казалось, он рассеянно слушал историю, не имевшую особенного значения. Увидев, что комиссар расслабился, мальчик мог бы представить себе, будто разговаривает с одним из своих приятелей.

— А что тебе сейчас сказал Марсель?

— Он сказал, что будет вынужден во всём признаться, если его снова начнут расспрашивать.

— Почему? Он испугался?

— Он ходил исповедоваться. Думаю, что и похороны произвели на него сильное впечатление.

— Он скажет, что видел тебя у окна, прежде чем перешел к окну напротив?

— Откуда вы знаете? Вот видите! В этом доме все идет кувырком… Другие совершают поступки и похуже, но с ними ничего не случается. У нас же всё наоборот.

— Что ты делал, стоя у окна?

— Я смотрел.

— Старуха показала тебе подкову?

— Да.

— Расскажи мне как можно подробнее, что

произошло.

— Мне ничего другого не остается, правда?

— В этот момент расследования, да.

— Я взял карабин.

— Где находился твой карабин?

— Он стоял в этом углу, около шкафа.

— Он был заряжен?

Мальчик невольно заколебался.

— Да.

— Пули 22 калибра были длинными или короткими?

— Длинными.

— Ты обычно держишь карабин в комнате?

— Довольно часто.

— Тебе случалось в последнее время стрелять из окна по воробьям?

Мальчик вновь заколебался, стараясь думать как можно быстрее, как человек, не имеющий никакого права на ошибку.

— Нет. Не думаю.

— Ты хотел напугать старую женщину?

— Разумеется. Я точно не знаю, что я хотел. Она издевалась надо мной. Я сказал себе, что в конце концов она обо всем расскажет страховой компании, и у моего отца не будет денег, чтобы купить новый грузовичок.

— Он решил потратить деньги на новый грузовичок?

— Да. Он уверен, что на новом грузовичке он сможет расширить территорию обслуживания и заработать больше денег.

— А сейчас он мало зарабатывает?

— В иные месяцы он вообще ничего не зарабатывает, и тогда бабушка…

— Она помогает вам?

— Только когда мы совсем на мели. Но каждый раз закатывает такие скандалы!

— И ты выстрелил?

Мальчик кивнул головой, виновато улыбаясь.

— Ты нарочно целился?

— Я целился в окно.

— Словом, ты хотел разбить стекло.

Мальчик вновь кивнул головой, поспешно добавив:

— Меня посадят в тюрьму?

— Мальчиков твоего возраста не сажают в тюрьму.

Казалось, Жозеф испытал разочарование.

— Тогда что со мной будет?

— Судья проведет с тобой воспитательную беседу.

— А потом?

— Потом он вызовет и отругает твоего отца. В конце концов, во всём виноват он.

— Почему? Он же ничего не сделал!

— Где он был, когда ты стрелял?

— Не знаю.

— Он развозил мясо?

— Несомненно, нет. Он никогда не выезжает так рано.

— Он находился в лавке?

— Возможно.

— Он ничего не слышал? Твоя мать тоже?

— Нет. Они мне ничего не говорили.

— Они знают, что это ты стрелял?

— Я с ними об этом не разговаривал.

— Кто унес карабин в сарай?

На этот раз Жозеф покраснел, в замешательстве оглянулся вокруг, избегая встречаться взглядом с Мегрэ. Мегрэ продолжал настаивать:

— Думаю, ты не смог бы спуститься по лестнице и пройти через двор с загипсованной ногой. Ну? Отвечай!

— Я попросил Марселя…

Жозеф резко замолчал.

— Нет, это неправда, — признался он. — Карабин отнес отец. Вы всё равно узнали бы.

— Ты попросил его унести карабин?

— Да. Но не объяснил почему.

— Когда?

— В среду утром.

— Он не стал тебя расспрашивать?

— Он только сердито посмотрел на меня.

— Он сказал матери?

— Если бы он ей сказал, она тут же поднялась бы ко мне и устроила головомойку.

— Она часто устраивает тебе головомойку?

— Она всегда понимает, когда я пытаюсь ей солгать.

— Значит, это ты попросил Марселя заявить, что он видел, как учитель выходил из сарая?

— Нет. Я даже не знал, что его допрашивали.

— Почему он так поступил?

— Несомненно, это из-за того, что он видел меня у окна.

— С карабином в руках. Ведь ты держал карабин в руках?

Жозефу стало жарко. Он изо всех сил старался не противоречить себе и делать вид, будто отвечает без всяких колебаний.

Мегрэ напрасно говорил с ним нейтральным тоном, не настаивая, словно фразы, которые он произносил, не имели никакого особого значения. Мальчик был достаточно смышленым,

чтобы понимать, что комиссар неумолимо приближается к раскрытию истины.

— Я точно не помню. Возможно, я еще не взял карабин.

— Но, увидев из другого окна, что старуха Бирар упала, он решил, что стрелял именно ты?

— Он мне об этом ничего не говорил.

— А вообще вы это обсуждали?

— Только сегодня.

— Он просто сказал тебе, что будет вынужден рассказать правду, если его снова начнут расспрашивать?

— Да.

— Он был грустным?

— Да.

— А ты?

— Я предпочел бы, чтобы всё это побыстрей закончилось.

— Но ты хотел бы попасть в тюрьму?

— Возможно.

— Почему?

— Просто так.

Жозеф, конечно, не стал добавлять, что в тюрьме ему было бы интересней, чем в родительском доме.

Вздохнув, Мегрэ встал.

— И ты допустил бы, чтобы учителя осудили?

— Не думаю.

— Ты в этом не уверен?

Конечно, нет. Жозеф не был в этом уверен. Мысль о том, что он причинил Гастену страдания, не приходила ему в голову. Да и приходила ли она в голову другим жителям деревни?

— Вы уходите? — удивился Жозеф, увидев, как комиссар направляется к двери.

Мегрэ остановился на пороге.

— А что мне остается делать?

— Вы расскажете обо всем лейтенанту?

— Возможно, кроме того, что касается несчастного случая.

— Спасибо.

Мальчик был не слишком доволен, что его покидают.

— Полагаю, тебе нечего добавить?

Жозеф покачал головой.

— Ты уверен, что рассказал мне всю правду?

Жозеф вновь кивнул. Но тут Мегрэ, вместо того чтобы открыть дверь, сел на краешек кровати.

— А теперь расскажи мне подробно о том, что ты видел во дворе.

— В каком дворе?

Мальчик мгновенно покраснел, а его уши стали

малиновыми.

Вместо ответа Мегрэ, не вставая, открыл дверь и сказал жене Марселена, стоявшей на лестничной площадке:

— Будьте любезны спуститься вниз.

Убедившись, что она спустилась с лестницы, он закрыл дверь.

— В этом дворе.

— В нашем?

— Да.

— А что я должен был видеть?

— Об этом знаю не я, а ты.

Мальчик, отодвинувшись к самой стене, ошеломленно посмотрел на Мегрэ.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ты стоял у окна, а старуха показывала тебе подкову.

— Я вам уже об этом рассказывал.

— Только карабин находился не в твоей комнате.

— Откуда вы знаете?

— Твой отец был внизу, во дворе. Дверь сарая была открыта. Что он делал?

— Он разделывал ягненка.

— Со своего места он прекрасно мог видеть тебя в окне. Но он мог видеть и Леони Бирар.

— Никто не мог вам сказать об этом, — прошептал мальчик, скорее восхищенный, чем испуганный. — Вы просто догадались?

— Со старой женщиной он был не в лучших отношениях, чем ты. Каждый раз, когда он проходил мимо ее дома, она обзывала его.

— Она называла его ничтожеством и жалким побирушкой.

— И показывала ему язык?

— Она всем его показывала.

— Твой отец вернулся в сарай?

— Да.

— Когда он вышел, то в руках держал карабин?

— Что ему за это будет?

— Посмотрим. Ты больше не будешь мне врать?

— Я скажу вам всю правду.

— Твой отец мог видеть тебя в тот момент?

— Не думаю. Я немного отошел от окна.

— Чтобы он не знал, что ты на него смотришь?

— Возможно. Я не помню. Всё произошло так быстро.

— Что именно произошло быстро?

— Отец оглянулся вокруг и выстрелил. Я слышал, как он проворчал: «Получай, мразь!»

— Он тщательно целился?

— Нет. Он вскинул карабин и выстрелил.

— Он хороший стрелок?

— Он и с десяти шагов не способен попасть в воробья.

— Он видел, как Леони Бирар упала?

— Да. Он на какое-то время даже оцепенел. Потом бросился в сарай, чтобы спрятать карабин.

— А потом?

— Он посмотрел на мое окно и вернулся в дом. Через какое-то время я услышал, как он уходит.

— Куда он направился?

— К Луи, чтобы выпить.

— Откуда ты знаешь?

— Он вернулся пьяным.

— Тео находился в своем палисаднике?

— Он только что вышел из погреба.

— Он видел, как твой отец стрелял?

— С того места, где он находился, он не мог этого видеть.

— Но он видел тебя в окне?

— Думаю, да.

— Он слышал выстрел?

— Он должен был его слышать.

— С тех пор отец ни о чём с тобой не говорил?

— Нет.

— Ты тоже с ним не говорил?

— Я не осмелился.

— Марсель думает, что стрелял ты?

— Наверняка.

— И поэтому он солгал?

— Я его друг.

Мегрэ машинально погладил мальчика ладонью по голове.

— У меня все, мой славный человечек! — сказал комиссар, вставая.

И чуть не добавил:

— Порой некоторые узна́ют жизнь раньше, чем другие.

Но зачем? Жозеф не воспринимал произошедшее как трагедию. Мальчик настолько привык к повседневным маленьким драмам, что эта произвела на него не большее впечатление, чем другие.

— Его посадят в тюрьму?

— Ненадолго. Если только не будет доказано, что он специально целился в Леони Бирар, чтобы попытаться ее убить.

— Он просто хотел ее напугать.

— Понимаю. Вся деревня даст показания в его пользу.

Подумав, Жозеф согласился с комиссаром.

— Думаю, да. Его любят, несмотря ни на что.

Это не его вина.

— В чём не его вина?

— Во всём…

Мегрэ дошел до середины лестницы, когда мальчик окликнул его.

— А вы не хотите снять мне гипс?

— Лучше я пришлю к тебе доктора.

— Вы сразу пришлете его ко мне?

— Если он дома.

— Только не забудьте.

Спустившись вниз, Мегрэ услышал:

— Спасибо.

Мегрэ не стал заходить на кухню. Солнце постепенно скрывалось за домами, от земли начал подниматься пар. Три женщины по-прежнему неподвижно сидели за столом. Они молча взглянули на Мегрэ, когда он проходил мимо окон.

На паперти церкви кюре разговаривал с женщиной неопределенного возраста. Комиссару показалось, что кюре хотел перейти через улицу, чтобы поговорить с ним. Кюре тоже должен был знать. На исповеди он узнал, что Марсель солгал. Но только у кюре было право обо всем молчать.

Мегрэ поздоровался со священнослужителем, что немного удивило того. Потом комиссар вошел в мэрию и разыскал Даньелу. Ожидая Мегрэ,

Даньелу курил сигару. Увидев комиссара, он вопросительно посмотрел на него:

— Вы можете отпускать учителя, — сказал ему Мегрэ.

— Это Жозеф?

Мегрэ покачал головой.

— Кто же?

— Его отец, Марселен.

— Полагаю, я должен его арестовать?

— Сначала я хочу сказать ему пару слов.

— Он не признался?

— Он не в состоянии признаться в чем-либо. Если хотите, пойдемте со мной…

Они направились в таверну, но на пороге Мегрэ вспомнил о своем обещании, вернулся назад и позвонил в дверь дома Бреселя.

Ему открыла сестра доктора.

— Доктор дома?

— Он уехал. Принимает роды.

— Когда он вернется, попросите его снять гипс с Жозефа.

Вероятно, она тоже думала, что Жозеф виновен.

Лейтенант ждал комиссара около двери таверны. На площади никого не было. В таверне сидело около десятка посетителей. Один из них спал,

уронив голову на стол.

— Где Марселен? — спросил Мегрэ у Терезы.

Он говорил громко, чтобы его мог услышать Тео. Теперь настала очередь комиссара насмешливо смотреть на помощника мэра. Впрочем, Тео был хорошим игроком. Вместо того чтобы нахмуриться, он просто пожал плечами, словно говоря: «Тем хуже. Не моя вина…»

— Комната слева от двери, месье Мегрэ.

Мегрэ один поднялся по лестнице и открыл дверь. Мясник, разбуженный шумом, сел и удивленно посмотрел на комиссара.

— Что вам надо? — тягуче произнес он. — Который час?

— Пять часов.

Мясник спустил ноги на пол, протер глаза, провел рукой по лицу и стал озираться, явно ища выпивку. От него так разило перегаром, что комиссару стало дурно. Пол был испачкан рвотной массой.

— Марселен, внизу тебя ждет лейтенант.

— Меня? Зачем? Что я натворил?

— Он сам тебе скажет.

— Вы ходили ко мне домой?

Мегрэ ничего не ответил.

— Вы мучили мальчишку? — глухо продолжал

мясник.

— Марселен, поднимайся.

— Если захочу…

Его волосы были всклокочены, взгляд казался застывшим.

— А вы хитрюга, да! Наверное, вы гордитесь собой! Мучить детей! Вот для чего вы приехали сюда!.. И за эту работу вам правительство платит!

— Спускайся.

— Я запрещаю вам дотрагиваться до меня.

Встав, он зашатался и проворчал:

— И всё это потому, что тот другой — учитель, человек образованный, который тоже получает деньги налогоплательщиков…

Чтобы лучше выразить свое презрение, мясник плюнул на пол, направился к двери и чуть не упал, спускаясь с лестницы.

— Луи, перно́! — громко скомандовал он, держась за стойку.

Он хотел уйти красиво. Поглядывая на окружавших его людей, он пытался хихикать.

Луи взглядом спросил у Мегрэ, должен ли он подать заказанное вино. Комиссар знаком показал, что ему все равно.

Марселен выпил залпом стакан, вытер губы и

бросил, повернувшись к Тео:

— Я всё-таки ее достал, эту мразь!

— Не строй из себя умника! — проворчал помощник мэра, разглядывая карты, которые он держал в руке.

— А, может, и не достал?

— Ты это сделал не нарочно. Ты ведь не способен с тридцати метров убить и быка.

— Я ее достал? Да или нет?

— Да, ты ее достал! Теперь закрой рот!

Вмешался лейтенант.

— Прошу вас следовать за мной. Не заставляйте меня надевать на вас наручники.

— А если я хочу, чтобы на меня надели наручники?

Марселен ерепенился до конца.

— Как хотите.

Все увидели, как сверкнула сталь. Потом услышали, как наручники защелкнулись на запястьях мясника.

— Вы видели это?.. Вы?..

Мясник ударился о косяк, проходя в дверь. Через несколько минут все услышали, как хлопнула дверца автомобиля.

Воцарилась тишина. Воздух был пропитан вином, другими крепкими напитками, густой

дым окружал лампу, которую уже зажгли, хотя на улице было довольно светло. Но через полчаса стемнеет. В деревне будут видны только несколько светящихся окон, две-три плохо освещенные витрины да какая-нибудь тень, время от времени скользящая вдоль домов.

— Приготовьте счет, — нарушил молчание Мегрэ.

— Вы уже уезжаете?

— Да, вечерним поездом.

Остальные по-прежнему молчали, словно в нерешительности.

— Как мне вызвать такси?

— Достаточно попросить Маршандона. Он отвезет вас на грузовичке. Он всегда отвозит людей на вокзал.

Раздался голос Тео:

— Так мы играем или не играем? У меня козырной туз. И я объявляю терц.

— Чему?

— Даме.

— Она козырная.

— Хожу валетом.

Мегрэ выглядел немного грустным или уставшим. Так бывало всякий раз, когда он заканчивал расследование. А ведь он приехал сюда, чтобы по-

есть устриц, сбрызнутых местным белым вином.

— Что я могу предложить вам, комиссар?

Мегрэ заколебался. От винного запаха его немного тошнило. Тем не менее он сказал, поскольку мечтал об этом еще в Париже:

— Бутылочку белого.

В скобяной лавке горел свет. Сквозь висевшие в ней ведра и кастрюли можно было видеть кухню, где сидел Марсель Селье. Обхватив голову руками, он читал.

— Ваше здоровье!

— Ваше здоровье!

— Вероятно, у вас сложилось странное впечатление от нашей деревни?

Мегрэ ничего не ответил. Чуть позже Тереза принесла чемоданчик, в который она уложила вещи комиссара.

— Надеюсь, ваша жена найдет здесь все в полном порядке.

Действительно, сейчас было неплохо вспомнить о мадам Мегрэ, об их квартире на бульваре Ришар-Ленуар, о ярко освещенных Больших бульварах, где был расположен их любимый кинотеатр. Он поведет ее туда в первый же вечер.

Когда Мегрэ, сидя на переднем сидении грузовичка, проезжал мимо здания мэрии, он заметил,

что в доме Гастенов горел свет. Через час или два учитель вернется, и их вновь будет трое, таких похожих друг на друга, как бы выброшенных на затерянный островок.

Чуть позже Мегрэ даже не обратил внимания, что справа от него качались мачты кораблей. Приехав на вокзал, он купил целую кипу парижских газет.

Шэдоу Рок Фарм, Лейквил, Коннектикут
8 декабря 1953 г.